

Литературный клуб Исеть

г.Катайск
Евгений Самохин

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Стихи и Проза

2020

Евгений Всеволодович Самохин родился 1 августа 1945 года в г. Катайске. Окончил биолого-химический факультет Курганского пединститута. Служил в пограничных войсках ЗакВО. После демобилизации вернулся в Катайск, был преподавателем, директором педучилища, избирался секретарём райкома комсомола, председателем горисполкома.

С 1986 года работал на Катайском насосном заводе в должности начальника отдела кадров, заместителем директора по кадрам и быту. В 1999 году избирался председателем профкома завода, который возглавлял до выхода на пенсию в 2009 году.

У него два сына и три внука. Активно занимался общественной работой, избирался депутатом районной и городской Дум, участник художественной самодеятельности, спортсмен, ему присвоено звание "Почетный гражданин города". Увлекается рыбалкой и охотой, туризмом.

Стихи писал со школьного возраста. Печатался в районной, областной и центральной газетах, журналах "Урал", "Тобол", "Огни Зауралья" Автор десяти сборников стихов и рассказов. Издаваться начал в 2005 году, первый сборник назывался "Жеребёнок".

Стихи и Проза (Из книги «Отзвуки войны»)

НИКТО НЕ ЗАБЫТ!

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

О сборнике

5 апреля 2015 года ушёл из жизни Евгений Всеволодович Самохин талантливый поэт и писатель, «Почётный гражданин города Катайска». Евгений Самохин писал книгу «Отзвуки войны», в которой планировал поместить все свои стихи и рассказы о войне, фронтовиках, тружениках тыла. К сожалению, ему самому не удалось её закончить. Она находилась в стадии подготовки, правки и вёрстки. Близкие и друзья посчитали делом чести, чтобы книга вышла в свет. И уже летом 2015 года книга была опубликована под редакцией Марии Андреевны Кукариной, члена Союза журналистов России. Оформляя серию сборников в честь Победы в Великой Отечественной Войне, сайт «Литературный клуб Исеть» не мог оставить без внимания названную книгу. Дело в том, что я, администратор сайта, сам родом из Катайска (Курганская область) и знал об этой книге. Таким образом, в том числе отдаю Дань Памяти своему земляку, патриоту своей малой родины Евгению Самохину! В данный сборник вошли произведения, как в стихах, так и в прозе из его книги «Отзвуки войны». В сборник включены также стихи из других его книг, не связанных с военной тематикой, чтобы хоть в малой степени познакомить читателей с разнообразием творчества поэта. Сборник оформлен для размещения на странице «Книжная полка» сайта «Литературный клуб Исеть».

От администрации сайта «Литературный клуб Исеть» Евгений Секерин

Предисловие

Дорогие друзья!

Нынче исполняется 70 лет, как советский народ победил в самой страшной и беспощадной войне. Именно этой теме посвящена новая книга известного Катайского поэта и писателя Евгения Всеволодовича Самохина.

Нам есть, чем гордиться и о чем помнить. На алтарь Отечества отдали свои жизни миллионы славных сыновей и дочерей страны. Автор родом из поколения, которое теперь называют «дети войны». Он как бы пытается воспротивиться неумолимому течению времени и сохранить для потомков образы тех, каждый из которых по мере своих сил приближал 9 мая. Ведь цена Победы была у каждого своя и судьба тоже. Один совершил подвиг и дошел до Берлина, другой пропал без вести, сгинув в каких-нибудь болотах, третий был контужен или ранен, оказался в окружении, откуда с боями пробивался к своим, или еще хуже – попал в плен. А, в тылу? На хрупкие плечи жен, матерей, солдаток, как их тогда называли, лег тяжкий труд, многие остались вдовами и одни поднимали детей. Тысячи подростков помогали взрослым не только в тылу, но и сражались с врагом на поле боя.

Благодаря таланту Евгения Всеволодовича воссозданы образы людей так много сделавших для Победы. Автор в своих рассказах с щемящей любовью и состраданием, уважением и искренним почтением, а кое-где и с юмором рассказывает о тех, кого хорошо знал, у кого учился правде жизни, порядочности, скромности и честности, ведь большинство из них искренне не считали себя героями, а просто достойно несли испытания, выпавшие на их долю.

Одно из главных достоинств книги в том, что у каждого героя существуют реальные прототипы – это люди, жившие и живущие рядом с нами. Это его, правда, о войне, которую надо беречь и отстаивать. Страшно представить, но во многих странах стремятся забыть подвиг нашего народа - освободителя, переписать историю, поэтому так пронзительны поэтические строки автора:

Жаль, заслуги твои
Позабыли сегодня в Европе
Мой народ-богатырь,
Бывшей некогда сильной страны,
Только ты им принес
И свободу, и мир.

Проходят годы, выросли поколения, которые живут под мирным небом, но шрамы войны до сих пор остаются в наших сердцах. Нельзя забывать тех, кто так же, как мы, любил жизнь, мечтал о мирном труде и хотел вернуться домой. Книга Е. В. Самохина поможет читателям ярко увидеть, что океан Великой Победы стекался из маленьких ручейков судеб отдельных людей. Давайте помнить об этом!

К сожалению, сборник «Отзвуки войны» станет последним в творчестве Евгения Всеволодовича. Пятого апреля 2015 года перестало биться сердце замечательного и порядочного человека, настоящего патриота своей малой родины, талантливого писателя и поэта, верного друга и товарища. Он очень хотел увидеть эту книгу, спешил ее издать, но не получилось... Светлая ему память!

Мария Кукарина, член Союза журналистов России.

Стихи

Военный оркестр

Оркестр военный душу мне тревожит.
Влечёт своей мелодией труба.
Он ни с какою музыкой несхожий.
Оркестр военный – ты моя судьба.

И замирает сердце, если слышу,
Как марш играет духовой оркестр.
Из строя первым капельмейстер вышел,
Взмахнул рукой – и двинул роты с мест.

Не позабуду время службы ратной,
Трубою медной я будил зарю,
На смотрах я играл и шаг печатал...
За всё, оркестр, тебя благодарю.

Победитель

Отгремели бои, затянуло травой окопы.
И всё меньше живых ветеранов жестокой войны.
Жаль, заслуги твои позабыли сегодня в Европе,
Мой народ – богатырь, бывшей некогда сильной страны.

Называют в тех странах тебя оккупантом.
Только ты им принёс и свободу, и мир,
Да и в нашей стране тоже блещут «таланты»,
Норовят коль историю повернуть, как шарнир.

Семьдесят лет уже нашей Победе.
Подвиг твой не забыт, ты прошёл через ад.
Всё, что мог испытал, всё на свете изведав,
Будешь славен в веках – Победитель, советский солдат!

Ветеранам завода

История сама своё расставит,
Её не повори́тишь вспя́ть.
На жизнь взглянуть по-новому
Заставит.
Былое вспоминается опять.
Сентябрь. В тот грозный
сорок первый
Для всей станы кошмарный год.
В село Катайское, где
Лишь поля да фермы,
Направлен Мелитопольский завод.
Суровы лица. Неизвестность.
На полустанке эшелон.
Как приютит их эта местность?
Идёт разгрузка. Лязг и звон.
Собрание партийного актива.
Вопрос поставлен важный и один:
В кратчайший срок,
без проволочек и без срыва.
Наладить надо производство мин.
И сельские мальчишки и девчонки
Станки таскали на катках,
Худые детские ручонки
Их ставили в простуженных цехах.
Что было трудно – не то слово,
Как в стужу грелись у храпка,
Спецы учили, а всё внове –
Сталь не земля и потому крепка.
То холодна, что пристывают руки,
То тело жжёт расплавленный металл.
Сперва пугал, но вот какая штука –
С днём каждым он податливее стал.
К Победе путь был очень длинным.
Кто это пережил – поймёт,
И в сторону врага летели мины,
Что начал делать наш завод.

Ветеран

Хаземову А.А. – заслуженному строителю СССР посвящается.

Стоит солдат у обелиска
И вспоминает о былом –
Война прошла по сердцу близко,
Навек сроднивши с костылём.
Когда-то был плясун кудрявый,
В деревне первый гармонист,
И на гармонике трёхрядной
Мелькали пальцы сверху вниз.
Перечеркнув всё чёрной датой
И, жизнь у многих поломав,
Пришла война, и он солдатом
По ней три года прошагал.
Раненье. Госпиталь. Награда.
А лет всего лишь двадцать пять.
И жить теперь по новой надо.
Как на одной ноге стоять?
Он выстоял, не сник, не спился,
Всю волю, сжав свою в кулак
И в жизни многого добился
И прожил, дай Бог, многим так.

Всё меньше в строю ветеранов...

Всё меньше в строю ветеранов,
Всё реже медали звенят
И с возрастом старые раны
Сильнее и чаще болят.

Ты выдержал все испытанья
И вами гордится страна:
Победа в трудах и страданиях
Оплачена кровью сполна.

Бой жаркий у Энской речушки.
Приказ был «Ни шагу назад!»
Последний снаряд возле пушки.
И замертво рухнул комбат.

Как много не погребённых
Осталось лежать ребят,
Наградами обойдённых,
Прости нас за это, солдат.

Но память о вас в народе,
В сердцах материнских она.
Павший в бою не схоронен —
Не кончилась, значит, война.

Граница

Ночь. Ты, наверное, спишь
В тёплой мягкой постели,
Иль у окошка сидишь,
Как с тобою когда-то сидели.
Может быть, вспомнила обо мне,
Я не верю, что позабыла.
Звёзды яркие в вышине,
Как разбрызганные белила.
Я сегодня в секрете лежу
На краешке нашей страны
И до боли в глазах гляжу
В черную пасть темноты.
Сжимаю крепкой рукой
Холодную сталь автомата.
Охраняют земной покой
В зелёных фуражках солдаты.
Чтоб могла ты спокойно спать,
Чтоб никто не нарушил сон твой.
Утро мне в наряде встречать,
Сегодня я твой часовой.

Десантники

Над вами купол парашюта,
Вам небо словно дом родной,
В ученье и в сражение не до шуток,
Когда десант вступает в бой.
Вы прямо с воздуха в атаку,
Пути для отступления нет,
Бей с расстоянья иль в контакте,
Коль носишь голубой берет.
Пехотой вас зовут крылатой –
Берём уменьем, не числом!
Неведомо вам чувство страха.
Бьём, если надо, кулаком!
Покуда сердце будет биться,
Вы все – единая семья
И вами Родина гордится –
Непобедимы дяди Васи сыновья!

Западенец

То ль за деньги, то ли от страха
Изменил ты родной стране,
А теперь в вышиванке - рубахе
Учишь внуков новой войне.

Затаился тогда на время,
Ожидая желанный час,
Воспитал молодое племя —
На Майдане бузят сейчас.

Что же ты, сегодня свободен.
Реет жёлто - блакитный флаг.
Жили вместе единым народом.
Почему вдруг русский стал враг?

Нацепив от фашистов награды,
Шествуешь. Мне очень жаль,
Что в угоду продажной Раде
Ты забыл: спас в войну вас москаль.

май 2014г.

Контузия

Все встречали его с улыбкой,
Пошпакурить был всякий рад:
- Валенки катали? – спросят с ухмылкой.
- Крепость брали, что строил Далмат?

Был работник в райповской столовой.
За кормёжку колол дрова.
И бубнил одну фразу по новой.
Что ты хочешь? Больна голова.

Он присядет на чурку, закурит.
Чёрной птицей всплывёт тот бой.
»Мессершмит» с воем в небе кружит.
Взрыв! Засыпан землёю сырой.

Так, закончив войну досрочно,
Он валялся в госпиталях,
Но засела контузия прочно,
Мозговые разрушив поля.

Стойко бились они под Ельней,
Где контужен комбат капитан...
Жаль, не знали никто в деревне –
Был героем Круглов Иван.
2014 г.

Награда

Детство, детство, далёкие дали,
Только-только прошла война.
Фронтовики ордена и медали
Отмечали стопкой вина.

На оттаявшем пригорке
Собирались они у ключа,
Разговоры вели негромко,
Вспоминая однополчан.

За награды раньше платили,
Небольшие, но всё же рубли.
Это всё потом отменили –
К власти люди другие пришли.

И кто жизни своей, не жалея.
Заплативши за мир сполна,
С досадой и болью, хмелея,
Сорвали с груди ордена.

Позабыла страна о Победе,
Лишь прозрев через двадцать лет,
И Указ издали немедля,
А бойцов большинства уже нет.

Сколько их, молодых и здоровых,
Тлеет в горестной нашей земле...
И вопрос возникает уместный:
Всё ли сделали мы и в Кремле?

Новая казачья песня.

Сизый голубь со голубкой
Не совьют гнезда в горах,
Меж собою не воркуют,
Коль война пришла в Вайнах.

Чернобровая казачка
Вся в кручине, вся в слезах -
Проводила козаченьку
На войну, что развязал Вайнах.

Мать седая у иконы
На коленях при свечах,
Не дождалась она сына.
Что геройски пал в горах.

Сизый голубь со голубкой
Не совьют гнезда в горах.
Их пугают дуры-пули,
Коль война пришла в Вайнах

О пропавших без вести (п е с н я)

Мой год рожденья сорок пятый,
Когда гремел последний бой.
С победной песнею солдаты
Не все вернулись домой.
Кое-кто спит в земле сырой,
Кое-кто в пучине морской.
Только где могилу найти,
Тех, кто пропал без вести.

Как часто среди друзей подростков,
Среди босоногих огольцов
Нам стать скорей хотелось взрослым,
Чтоб за погибших мстить отцов.
За того, что спит под Клином,
За того, что под Берлином,
Но куда медали везти
Тем, кто пропал без вести.

Постарше хвастались пред нами,
Надев медаль отца на грудь,
И только понимала мама,
В моих глазах, читая грусть.
В Кремле вручались награды
За высоты, сёла, грады,
Но куда медали везти.
Тем, кто пропал без вести.

Надеялись ещё лет двадцать.
Я сам давно как стал отец.
Да всё труднее признаваться.
Что ожиданиям конец.
Если б был мой отец живой,
Он вернулся б давно домой,
Но назад, видно, нет пути
Тем, кто пропал без вести.

Окруженец

Бредёт по болотам Полесья,
Патронов пяток за душой,
А немцы встретятся если,
В неравный вступить с ними бой?

И стёрлись до дыр обмотки,
В кармане запас сухарей.
Был первый их бой коротким.
Из взвода лишь он уцелел.

Гремит канонада громко,
А он среди врагов одинок,
Лесами. Ночами по звёздам
Спешит к своим на восток.

Он верен присяге и долгу.
Упорно шагает вперёд
И смотрит на небо подолгу,
А значит, звезда доведёт

Последний день войны

Записался на фронт добровольцем.
Для порядка добавил годков,
Потому, что был комсомольцем,
Знак носил на груди ГТО.
Нелегка ты солдатская доля:
Отступление. Снова вперёд,
И узнаешь лишь после боя -
Кто как ранен, кого убьёт.

Смерть ходила с ним рядом три года.
Зацепило осколком от мин.
Госпиталь. Командиром взвода
Он вступил в ненавистный Берлин.
Всё! Победа! Девятое мая!
Жив и счастлив! Войне конец!
В этот день, вот как в жизни бывает,
Подстрелил его немец-юнец.

Очень многих сынов России
В долгожданный победный час
«Гитлерюгенд» огнём скосила,
По - предательски, скрытно от глаз.
Не дожили до жизни мирной.
Миллионы погибли в войне.
Молодых и здоровых. Обидно.
В День Победы – обидно вдвойне.

Памяти «Курска»

Болью в сердце невосполнимою
Эта рана отозвалась.
Время двигалось неумолимо,
Что ж ты, Родина не помогла?
В море Баренцовом учения .
Точно знала, каков их курс,
Как ждала от тебя спасения,
Погибая, подлодка «Курск».
Без тепла. Вместо свежего воздуха
Проникает в отсеки вода,
И стучит морзянка без продыха:
«SOS» . Всё стихло и навсегда.
Не испытать материнской горести,
Не исчерпать родительских мук.
На твоей останется совести
Их последний, прощальный стук.

Пограничная песня

Что граница священна —
С детства нам говорят.
Различит посвящённый
Пограничный наряд.

Когда окриком: «Пропуск!»
Разорвёт тишину,
И за бдительность отпуск
Иль медаль пацану.

Когда в дождь или вьюгу,
В снег, пургу и туман
Выводил нас на службу
Наш ровесник-сержант.

Марш-бросок на рассвете,
Сил бежать нет совсем
И колотит по бёдрам
Твой родной АКМ.

А когда поднимает
Нас команда: «В ружьё!»,
Как в бою занимает
Каждый место своё

Когда сутки в секрете
Ждёшь врага на снегу,
Сознаёшь, что в ответе
За Отчизну свою.

Призывнику

Во все времена был окружён заботой
Солдатской славы ореол.
И разве можно заслужить без пота
Такое звание в армии - орёл?

Сейчас пугают парня «дедовщиной»,
И он её боится потому,
Что не учили быть мужчиной,
А стать им трудно самому.

Поэтому усердно грязью мажут,
Сегодня нашей армии мундир.
Бывало так – по службе и накажут.
Но «дедом» был всегда лишь командир.

Труженикам тыла

Говоря о войне,
Забываем часто о тыле,
Что победу ковал
в этот трудный момент.
И откуда бралась
богатырская сила?
Вам при жизни
воздвигнуть пора монумент.
Старики, подростки
заменяли мужчину,
Основная работа
на женские плечи легла.
Было всё на потом:
и любо, и кручина.
Только труд для Победы,
той, что в мае пришла.

Шаг, чеканя, шли наши отцы...

Шаг, чеканя, шли наши отцы,
Молодые, ещё безусые.
Шли мальчишки-бойцы
Защищать нашу землю русскую.

В сорок первом и в сорок пятом
Умирать, а как им хотелось жить.
Шли на землю, врагом занятую.
Шли, чтоб освободить.

А сегодня мы идём в колонне,
По ранжиру и за взводом взвод.
Нет! Нашей стране не быть покорённой,
Будь спокоен, советский народ!

В детстве

В купеческом доме в подвале
Герань белая на окне.
Мы о лучшем жилье не мечтали.
Коврик с ланями на стене.

Лампа светит надёжней лучины,
От неё тянет лёгким теплом,
Был бы только запас керосина
С трёхлинейным пузатым стеклом

Так моё проходило детство.
Из руин поднималась страна.
Жили с бедностью по соседству.
Счастьем помнятся те времена.

Что богатство? Кичиться нечем.
Не купить красоту за рубли.
В долгий зимний простуженный вечер
Странствий грезилась мне корабли.

Жизнь моя пронеслась кометой,
Отзвенела ,как медный пятак.
Сытый я и нормально одетый.
Да живём как-то все не так.
2014 г.

Вдова

Проводив на войну
в сорок пятом,
Ждёшь седьмой
десяток лет.
И другого, словно он,
не встретив,
Ты всё веришь:
не погиб он. Нет.
Не прожили вы с ним
и полгода,
Да всё видится,
как во сне,
Улыбается помкомвзвода
с фотографии на стене.
Замусолены
Треугольники - письма,
Ты их помнишь
все наизусть.
Где течёт
незнакомая Висла,
На которой
закончил он путь?
Но большее всегда
в День Победы,
Что, как рана
для всей страны,
И ведёшь ты беззвучно
беседу
С тем, кто молча.
глядит со стены.

Друзьям

Наше детство, войной опалённое,
Было трудным у всех из нас
Но мы жили семьёй сплочённою,
Выручали друг друга не раз.

Нас учили – за всё быть в ответе,
Что не каждого ждёт успех,
И делили мы в школьном буфете
Одну булочку часто на всех.

А потом, получив аттестаты,
Разлетелись мы кто куда.
Но той булочки запах, ребята,
Мне запомнился навсегда.

Чужих я песен не пою,
Чужих стихов я не читаю,
Чужой я жизни не хочу,
Хотя у многих лучше, знаю.

У каждого своя судьба,
У каждого своя дорога,
Чужого счастья красть нельзя,
Но и мое, не трогай.

Жизнь отцвела, как сон-трава,
Я мог прожить ее иначе,
Но коль слетела голова,
То о кудрях не плачут.

И вот теперь все позади,
А впереди одни страдания.
И рану в сердце бередит
Мне о тебе воспоминанье.

Ах, капель! Метель весенняя,
Душу мне не бережи,
У меня пора осенняя,
Юность где-то позади.

Я лечу листом оборванным
В край, где вечные снега,
Красотою очарованный,
Упаду к твоим ногам.

Упаду я спелым колосом
Иль серебряной росой,
Паутинкой тоньше волоса,
Чтоб сказать: «Навеки твой».

Расцвела над Исетью черёмуха,
Все увалы как в белом снегу.
И свистит залихватски, без продыху,
Соловей на крутом берегу.

Он поёт переполненный радостью,
Ублажает подругу свою.
Пой, соловушка милый, пожалуйста,
От души я тебе подпою.

Пока молод, и песня поётся,
И в аккордах звучит мажор.
Не сбылось что - уже не вернётся.
Был когда-то и я ухажёр,

И букеты дарил из черёмух,
Песни пел и стихи читал,
Промелькнули года, словно сполохи...
Но, всё манит цветущий увал.

«Охонины брови»

Я историю эту от бабки
В детстве в первый раз услышал.
Собирая однажды обабки,
Мы попали на этот увал.

Есть у нас за Никитиной место,
Где Синара с хрустальной водой
И Исеть - две реки, две невесты,
Слившись стали единой рекой.

В тех краях жил когда-то мельник,
Торговал и зерном, и мукой.
Был не пьяница, не бездельник,
Вел хозяйство умелой рукой.

Без жены растил дочь Охоню –
Чернобровую, с русой косой.
Не слыла деревенской тихоней,
Хоть богатой была, но простой,

А на игрищах, на гуляньи –
Голосистой, задорней всех,
Злились парни в глубоком отчаяньи,
Коль кого поднимала на смех.

Деревень было много в округе:
И Булыгина, и Ярки.
Молодежь – все знакомы друг другу,
Девки скромны, а парни бойки.

Не один вздыхал по Охоне
И готов был заслать сватов,
Но она лишь в одном взгляде тонет,
С ним готова делить свой кров...

Белозубый, вихрастый Ивашка
Был желанней и всех милей,
А в распахнутый ворот рубашки
Манит золото рыжих кудрей.

А как пустится в пляс, вприсядку,
Да как выпишет кренделя...
Лишь завидовали украдкой
Деревенские щеголя

Он затащит лапти потуже,
Дробь двойную – не каждый моги.
И стучат лапотки не хуже,
Чем бьют хромовые сапоги.

Ну а в паре рядом с Охоней,
Когда вместе сведет кадрили,
Под их взглядом гармошка стонет –
Тот поймет, кто хоть раз любил.

На крутых и заросших склонах
В май черемуха буйно цветет.
И пылает душа, как порох,
И в пьянящую зелень зовет.

Как-то раз после игрищ Ивашка
Сел с Охоней в траву отдохнуть,
Робко обнял ее с опаской:
Будь, что будет, того не вернуть!

Обхватил нежно стан рукою,
Начал губы губами искать,
Захмелев, не владея собою,
Плечи, шею ее целовать.

Не отринула, напряглася
И, ответив на поцелуй,
Ласкам трепетно поддалася,
Лишь шептала: «Целуй, целуй!»

С переливами пели пташки
И свистели на голоса.
В исступлении гладил Ивашка
Шелковые ее волосы.

Говорил он ей: «Будь моею!
Вместе счастливо заживем,
Ты же знаешь, я все умею,
Чашей полною будет дом».

К молодому припавши телу,
Отвечала: «Пока подожди.
Огорчать бы отца не хотела,
Я сама все скажу. Иди».

Доверялась с детства Охоня
И однажды сказала отцу.
Все ж ей верилось – сердце тронет
Любовь девичья к молодцу.

Закричал, в гневе топнул ногою:
«Не бывать тому, не пущу!
Прогоню со двора нагою,
В голь тебя, как его, превращу!»

А наутро конями – и в Каменск
И купчишку в гости привез,
Взял иконку в копченой раме
И под образом произнес:

«Вот, Охоня кто будет мужем,
В воскресенье пойдешь под венец,
Зять такой в семье нашей нужен.
Свадьбу справим и делу конец!»

Потемнело в глазах у Охони
И, обиду в душе затая,
На конюшню пошла где кони
Запашистым сеном хрустят.

Распласталась раненой птицей,
Словно выстрелом прерван полет.
Нет, не верит она в небылицу
«Стерпишь – слюбится – все пройдет».

Как любить и ласкать чужого?
Что богатство? Одна лишь пыль...
И не надо ей счастья такого...
Серебрился ночной ковыль.

Побежала тропинкой знакомой
На Синары берег крутой,
Разбежалась – «Прощай!»- и в омут.
И ударилась головой.

А река подхватила тело,
Забелело оно в воде.
И с испугом звезды глядели,
Но помочь не могли беде.

А луна посмотрела с укором:
«Что за люди, обычай какой?»

Где-то плакала выпь за угором,
Ухал филин, нарушив покой.

С той поры в этом месте крови
Речка выгнулася дугой
По бокам крутояра, как брови,
Деревца растут над водой

И хранят вековую легенду
Про Охони короткую жизнь.
А Синара прохладной лентой
Устремилась к Исети вниз.

Так Охоня живет в народе
Передачей из уст в уста.
А любимый? Тот в том же годе
Спешно забрит был в рекрута.

По преданьям «Охонины брови»
Это место с тех пор зовут.
Много вод утекло, но и в нови
Это имя века берегут.

Воспротивятся критик, историк,
Что описано, дескать, не так,
Но искать в том крамолу не стоит:
Что любовь виновата – факт.

Ветер

Налетел проказник ветер,
Первый дождь с собой принёс.
Ливнем месяц май отметил,
Мощным громом первых гроз.

Обломал листву и ветви,
У черёмух белый цвет,
Был и сер и неприветлив,
Как ворчливый дряхлый дед.

Хочет всё переиначить,
Подчинить под свой удел,
Навредить и не иначе,
И добавить людям дел.

У домов сорвал он крыши,
Все заборы повалил,
Поломал волнистый шифер –
Озорник тот ветер был.

Весна

Звонко тенькают синицы
В чернотале над рекой.
И заполнилась страница
Мутной талою водой.

Зацвели тальник и ива
На высоких берегах,
Речка стала тороплива,
Обрела мощь и размах.

Потянулись караваном
С юга снова журавли.
И манит не перестанут
Оторваться от земли

В неба синь, в ту бесконечность...
Где мне крылья обрести?
Жизнь, весна, любовь – не вечны.
Было – сплыло. Бог простит.

* * *

Краснеют листья на осинах,
В саду желтеет старый клён,
Проходит август паутинный –
Ход лета снова завершён.

Грачи в большие сбились стаи,
Кричат, горланят на стене.
И холоднее ночи стали,
А звёзды ярче в вышине.

Играет золотом опёнок,
Туман утрами у болот.
А осень – рыжий жеребёнок
Вновь бьёт копытцем у ворот.

Уже мерещится ручей...

В куржаке стоят березы,
Как в парче из серебра.
Вся природа в день морозный
Величава и мудра.

Я застыл от изумленья,
Что со мною — не пойму.
Дятел где-то в отдаленье
Робко будит тишину.

Февраль

Февраль еще метет поземкой,
Снег на деревьях, проводах,
Но тенькают синицы звонко:
Весна у входа, в двух шагах.

Висят сосульки по карнизам,
Луч солнца ярче, горячей,
В тиши морозной по низинам
Уже мерещится ручей.

Баня

Ах, баня, баня русская!
С крутым парком
Да с раскаленным
веничком,
С ядреным запашком!
Затоплена по-черному,
А моешься
по-белому
морозным вечерком.

Июль

Июльский полдень над Исетью.
Склонились ивы над водой.
Все замерло, лишь слабый ветер
Шалит с зеленою листвою.

Чуть пахнет горькою полынью,
Цветут ромашки у межи,
В безоблачной небесной сини
Снуют проворные стрижи.

Таится в омуте прохлады.
Струится сверху белый зной.
Мир на земле. В тени услада.
В душе блаженство и покой.

По весне я обычно хмелею...

По весне я обычно хмелею,
Кружит голову ласковый май,
От красивых женщин я млею,
Хоть расстреливай, хоть ругай.

Провожал равнодушно взглядом,
А весной гляжу: расцвела,
Лишь сменила зимы наряды,
Будоражит, стройна, мила.

И в измене винить не надо,
Что желанные эта и та...
В жизни нашей всегда они рядом –
Весны, женщины, красота.

Вижу свет в окошке...

Вижу свет в окошке:
Значит, не спит.
Я в окошко камушком:
«Мол,пусти!»

Ойкнула испуганно,
И лицо - к окну.
Темнота на улице:
«Кто там? Не пойму»

Силуэт маячит,
Машет рукой:
«Это я, любимая,
Дверь открой!»

Легкой ланью спрыгнула
И к двери,
Снова будем вместе мы
До зари.

Жаркие объятия,
Горечь терпких губ.
Шепчешь в исступлении:
«Люб,люб-люб!»

Ты пришла...

Ты пришла с пасхальным перезвоном,
Словно фея добрая из сказки,
Повенчал с тобой нас бор сосновый,
Были свахами лесные пташки.

Прятали от глаз людских березы,
Укрывали нас своей листвою,
Понимающе шептали: «Ну и что же,
И средь нас, берез, встречается такое...»

Белая береза возле дуба
Собиралась век свой коротать.
Да однажды клен кудрявый в губы
Ту березу начал целовать.

И от поцелуев жарких
Закружилась голова березы...
Только счастье было очень кратким,
И росой упали расставаний слезы.

Ты пришла с пасхальным перезвоном,
Пел в ту ночь шальные песни ветер,
А сегодня он грустит и горько стонет,
Без тебя скучает в этот теплый вечер...

Песня о Катайске

Есть много городов больших и малых,
Но к одному я прикипел душой.
Не молод он, да и не очень старый,
Три века- срок не так уж и большой.
В Зауралье милом, на реке Исети,
На крутом высоком берегу
Мой Катайск стоит красив и свете-
Краше на Руси, пожалуй, не найду.
Над ним сгущались тучи грозовые,
Он тем же жил, чем вся святая Русь.
В историю страницы боевые
Он вписывал, чем я горжусь.
И вот сегодня славу трудову.
Умножить нам с тобой пришел черед.
Люблю свой край, ему не изменю я,
Умелый в нем народ живет!

Рассказы

Безотцовщина

- Коля! Коля! Вон они ко ключу побежали! Лови их, гадёнышей! У, безотцовщина!

— кричала худая женщина в цветастом переднике, выбежавшая в огуречник, грозя сухоньким кулачком в сторону убегающих под косогор мальчишек. А они неслись, сломя голову, врассыпную, как стайка испуганных воробьёв, босиком, прямо через крапиву, не замечая, что она жалит детское загорелое тело, из одежды на котором были вылинявшие сатиновые трусы и майка, в безопасное место на том берегу Исети. Там, на образовавшемся, от нанесённого в половодье, золотистого, как на лучших пляжах, песка, давно вырос небольшой полуостров, ограждённый и защищённый с трёх сторон густыми зарослями ивы и тальника. Омываемый со стороны берега узкой, с илистым дном протокой, он служил им надёжной защитой и схроном, где из принесённых с берега гольцов было оборудовано костровище, а из приплывшей с большой водой тополины, и обтёсанной пацанами небольшим топориком, сделана лавка сиденья, под которой

хранились котелок, ложки, старый чайник. В стеклянной бутылке из-под какого-то лекарства под плотной пробкой припасены необходимый запас соли и коробок спичек, завернутый в промасленную пергаментную бумагу. Харчевня «Три пескаря», так называли они своё потаённое место, вычитав это в одной из книжек про приключения. Иногда они, перевирая мелодию известной песни «Три танкиста», неумело базлали, сидя возле костра:

Семнадцать человек
На сундук мертвеца
Йо-хо-хо и бутылка рома!

А Севка Полухин на новогодних праздниках в шестом классе важно расхаживал в костюме пирата. Он при помощи картонной коробки изладил из простых кирзачей ботфорты. Напялил позаимствованную у соседа, бывшего моряка, тельняшку, обвязал голову красным галстуком, как косынкой, чем вызвал большое неудовольствие старшей пионервожатой, и перевязал правый глаз чёрной повязкой. Короче говоря, был настоящий Стивенсон.

Всё лето они проводили на своём излюбленном месте, купались, загорали, удили рыбу, здесь же они её жарили, нанизав на ивовые прутьи, или варили в котелке уху. Когда поспевала картошка, пекли в золе вкусные печёнки, иногда совершали набеги на колхозные поля, где лакомились свежими огурцами, арбузами, турнепсом, или ходили на курсовхоз за куриными яйцами, отыскивая их в кустах черёмух, а потом пекли на костре. Это считалось вообще объеденьем! Когда посчастливится, а это всегда было после больших городских праздников на стадионе или на степи, где проводились ежегодные бега, то они сдавали найденные бутылки в магазин грузина дяди Гоги, принимавшего стеклотару только у Севки, как лучшего друга. На вырученные деньги покупали пряников и аппетитно поедали их, запивая прохладной водой из ключа. С этим ключом связана и вся их жизнь. Сюда они будут приходить во время редких встреч, здесь они будут расставаться. Недалеко от него в тополиной роще позднее назначались свидания. В зимнее время у ключа весь город катался с горок на санях и лыжах, прыгали с трамплинов, сооружённых из снега, и все эти угоры представляли из себя сплошное, утрамбованное сотнями ног гладкое и чистое пространство, на котором не было ни лопухов, ни крапивы. Каждое воскресенье здесь было полно народу. Круглый год люди брали из ключа чистую, родниковую воду на чай, её же использовали для всевозможных солений и маринадов, и только отсюда она бралась на пенную бражку.

Женщина всё не унималась и грозила в сторону убегающих мальчишек сухоньким кулачком, посылая своего мужа поймать кого-нибудь из сорванцов. Да куда там? Он устало присел на чугунную трубу родника, подставил под струю руки, попил студёной воды, всполоснул лицо и махнул рукой.

Ребятишки же, собравшись вместе, живо начали обсуждать случившееся.

- Я говорил вам, что не надо было лезти в огуречник днём. В это время всегда народ и могут сразу же увидеть, - горячился Алька Березин, черноголовый парнишка.

- Да это всё Баран, виктория да виктория. Та же глубяна, только крупнее, - поддержал приятеля Колька Зайцев.

- А ты бы не сидел на заборе, дак и не увидели бы, - возразил ему Васька Сажаев, или «Сажа», самый рослый и крупный из мальчишек, хотя и был младше всех, так как родился в сентябре сорок пятого.

- Лишь бы она никого не узнала. То эта швабра нажалуется матери, потом греха не оберёшься, - рассудительно заметил Алики.

- А, всё ерунда. Изжались вот только, всё тело зудится. Айда купаться!- предложил Федька, которого из-за фамилии чаще называли Бараном и, первым раздевшись, нырнул в воду. За ним прыгнули остальные. Все они были разные, но соединенные общей дружбой, были неразлучны и каждый день спешили встретиться своей закадычной компанией, тем более, что жили близко друг от друга, к тому же все, кроме Алика, учились в одной школе и одном классе. Объединяло их всех вместе ещё одно обстоятельство – все росли без отцов, кто с одной матерью, кто с бабушкой, у кого-то в семье были и братья, и сёстры.

И права была ругающаяся женщина: все они были безотцовщиной. Конечно, у них было немало друзей, у которых были полноценные семьи, но те чаще всего на лето уезжали в гости или в пионерлагеря. Бывая у них в гостях, старались приходить, когда их отцы находились на работе, и сразу же покидали дом, стоило лишь мужчинам появиться во дворе. Один раз Альке выделили путёвку в местный пионерский лагерь возле Банного лога. Друзья через пару дней пришли его попроведовать. Да и увели на целых три дня. Мать строго наказала беглеца, а руководство лагеря отчислило за ненадёжность присутствия.

Сказать, что всё лето они проводили за одними играми да озорством, было бы неверно. По мере сил помогали по дому, имея круг основных обязанностей. Пропалывали огород, окучивали и убирали картошку. Ежедневно ловили и приносили на общий стол дома пескаришек и чебачишек. Собирали в лесу поспевшие грибы и ягоды, уходя за ними пешком за несколько километров. Заготовив домой грибов на зиму, сдавали их по хорошей цене в пищекомбинат, тщательно вымыв у ключа. Когда доходила очередь, пасли коз, запасали опавшие листья на их корм, заготавливали веники из тальника и полыни, приносили из леса сухие сучья и ветки, шишки, чтобы сэкономить летом дрова.

Севка ежедневно носил воду с ключа, Колька - из общественного колодца, который был расположен в центре города в красном кирпичном здании напротив почты. Некоторое время все вместе работали на прополке кукурузы на конзаводе. Их в кузове увозили на целый день в поле, и нужно было прополоть два рядка до обеда и два после него, длина каждого составляла больше километра. Еду брали с собой, и состояла она из бутылки козьего молока или холодного фруктового чая и хлеба, намазанного маргарином. За работу платили, значит, небольшое, но всё-таки подспорье для семьи. Хорошей работой для пацанов считалось устроиться в райзаготконтору, помогать столяру.

Сколачивать деревянные ящички, весь день под крышей, полно овощей, работа лёгкая, непыльная. Но уж, если совсем повезёт, то лучше, чем в пищекомбинате работы не найти.

Там хоть и заработок поменьше, но наличие пряников, печенья, лимонада, а то и конфет, полностью компенсировало недостаток наличности. Весной, в каникулы они все дни были заняты заготовкой сосновых шишек, которые принимали по весьма сходной цене в лесничестве, там же и отводились делянки для сбора. Санки помогали перевезти достаточное их количество. Собирали кости, бумагу, металлолом, основным поставщиком которого был насосный завод, заваливавший глубокий овраг недалеко от ключа шлаком, вывозимым из литейного цеха. В этих отходах легко можно было отыскать слитки чугуна и особенно ценной бронзы, которые образуются от расплещанного при разливе расплавленного металла. За металлолом рассчитывались как деньгами, так и более ценными рыболовными принадлежностями в виде крючков и лески.

Однажды Федька Баран отыскал в шлаке четыре какие-то бронзовые заготовки – то ли брак прятали, то ли по ошибке выбросили. Пошли они с Севкой сдавать их к дяде Семёну. Для начала взяли только две .

- Хороши штуковины! – сказал тот, рассчитавшись с ними, и унёс бронзу под сарай. Пока тот ходил по своим делам, Федька прихватил эти детали с собой. На другой день он и говорит Севке:

- Иди, сдавай. Теперь твоя очередь. Чё всё я да я?

Тот добросовестно пошёл выполнять его указание.

- Ай, да робята!- похвалил того приёмщик,- такие у меня уже есть, - и унёс их.

- Ах, шельмецы! Спёрли! – буквально через минуту закричал он.

Севке ничего не оставалось делать, как брать ноги в руки и давать дёру.

Через несколько лет эта пагубная тяга и страсть к чужому добру привела Федьку на скамью подсудимых. После восьмого класса, когда он бросил школу, попытался снять часы со спящего на лавке в городском саду пьяного мужчины, был неожиданно схвачен тем за руку и доставлен в отделение милиции. Состоялся суд, и Фёдор получил свой первый срок – два года в колонии для несовершеннолетних. Вышел, устроился на завод фрезеровщиком, связался с блатными. Вместе с ними ограбили какого-то прохожего, нанеся ему тяжёлую травму. По приговору показательного суда, состоявшегося в заводском Доме культуры дали срок десять лет. Позднее, после освобождения, раздавив у ключа бутылочку со своими друзьями, Аликом и Севкой, за встречу, он горько сожалел о содеянном и жалел о зря потраченных на зоне годах.

Затем уехал в Пермь, там женился, переехал в Свердловск, устроился водителем автобуса, воспитал трёх дочерей и законопослушно доработал до пенсии. Оформляя документы на пенсию, вновь заехал к своему другу Севке в Катайск и, как было принято, посидев у ключа, вспомнили о счастливом детстве, помянув безвременно ушедших друзей.

И как можно его осуждать за случившееся? Из всех друзей у него была, пожалуй , самая трудная судьба. Все они родились в последний год войны. Его мама прошла всю войну медицинской сестрой в полевом госпитале. Как многие молодые фронтовики, завела роман. Родив сына, вернулась домой, где через два года вступила в законный брак. Родилась дочка, и Фёдор стал никому не нужен. Отчим, непомерно увлекаясь зелёным змием, часто гонял жену. Доставалось на орехи и Федьке.

Друзья, как-то собравшись вместе, решили проучить отчима, да и погоняли его пьяного по огороду, от чего тот стал ещё злее и мстительнее.

Все они в своё время посещали в Доме пионеров кружок «умелые руки», руководил которым фронтовик Горных Иван Маркелович. Там они учились выпиливанию лобзиком, выжиганию по дереву, делали замысловатые шкатулки, всевозможные полочки.

А однажды им поручили сделать очень сложный и ажурный письменный прибор, состоящий из нескольких предметов, который затем вручили на встрече лётчику, кавалеру трёх орденов Ленина, полковнику Василию Ивановичу Меньшикову. Особым даром мастерить и изобретать был Колька Зайцев, который был непревзойдённым мастером по изготовлению поджигов, всевозможных пугачей и арбалетов. Он постоянно их усовершенствовал, дополнял и изменял конструкцию. Это стоило жизни одному нашему однокласснику. При выстреле из поджига то ли из-за плотной пули, то ли из-за туги загнанного пыжа, оторвало заднюю часть самодельного пистоля, и она прилетела стрелку прямо в лоб, убив его насмерть. Заяц вечно таскал в измызганных, промасленных карманах всевозможные винтики, болтики, гаечки, мотки разноцветных провололок,

которыми его снабжали работники узла связи. После седьмого класса он с матерью переехал в Щучье, поступил в ремесленное училище, отслужил в армии и работал в каком-то совхозе механизатором, всё реже навещая Катайск.

Самым ленивым в этой компании был Васька Сажаев. Жили они вдвоём с матерью. Он был единственной для неё отрадой и, работая поваром, она баловала его принесённой иногда из столовой пищей. Кое-что перепадало и пацанам, когда они забежали к нему в гости, и он великодушно делился румяными плюшками, сухарями из белого хлеба, а когда он приносил в « харчевню» свежий батон, то блаженству не было предела. В шестом классе он остался на второй год, а затем и вовсе бросил школу. В шестнадцать лет устроился на завод, вскоре женился на своей ровеснице. Отслужил в стройбате, где остался прапорщиком на сверхсрочную службу, туда же перебралась его жена, и следы его после смерти матери потерялись в этой жизненной круговерти.

Особенно тесные и тёплые отношения в этой компании сложились между Севкой и Аликом, которые были неразлучны и не могли прожить друг без друга ни одного дня.

Алька жил с одной матерью, занимая очень маленькую комнатёнку. Его мама, так же, как и мать Федьки Барана, была на фронте, уйдя добровольцем, только служила в батальоне связи. После полевого романа вернулась домой в интересном положении и вскоре родила чернявенького парнишку, которого и воспитывала, не надеясь ни на кого. Она работала вместе с Севкиной матерью, и они частенько вспоминали, как Алёшка катал Севку по двору детского сада на самодельной коляске с деревянными колёсами, потому что был старше на целых полгода. Вместе они посещали все кружки и спортивные секции. С шестого класса играли в духовом оркестре у Ивана Ивановича Добрынина, оставившего в их памяти значительный след. Алёшка играл на трубе, а Севке достался альт, остальных из их компании признали непригодными по музыкальной части. Оркестр дал возможность заметно улучшить материальное благосостояние, так как за игру на танцплощадке городского сада и похоронах неплохо платили, что позволяло обеспечить себя к новому учебному году и одеждой, и школьными принадлежностями, и учебниками. В девятом классе записались в танцевальный кружок к известному в районе и области Кучину Виктору Дмитриевичу и неплохо танцевали своим коллективом на заводской и районной сцене, доводилось выступать и в областном центре. В одну из осеней они в составе районной агитбригады в течение месяца изъездили с концертами весь район. Ещё их одной общей страстью было коллекционирование этикеток от спичечных коробков. У них она была самая большая и интересная в городе, помещённая в альбоме строго по тематике. Вначале они выпрашивали этикетки у своих родственников, соседей и знакомых, затем расширили зону действия, перейдя к вымениванию их у пассажиров поездов дальнего следования, которые останавливались на станции, особенно следовавших из Пекина и Улан-Батора. В дополнение к этому они ходили вдоль железнодорожного полотна до станции Шутка, отыскивая на путях этикетки, или садились на товарняк, с которого прыгали прямо на ходу возле станции Чуга, где на подъёме тот чуть-чуть замедлял свой ход, и тогда, рискуя пораниться, они сигали под откос. Особым шиком считалось, когда после прыжка ты не падал, а оставался на ногах, пробежав по инерции несколько шагов. Потом они стали напрямую связываться со спичечными заводами и фабриками, и те охотно отзывались на их просьбу иногда даже сами отправляли им, как хорошим знакомым, новые экземпляры. Этим отличались Туринская и Пензенская фабрики. Гордостью коллекции была этикетка 1905 года и польские, которые регулярно высылал Севке его дядя Миша, служивший в Польше.

Они много читали и были одними из активных посетителей детской, а потом и районной библиотек. Книжки про войну прочитывали за один день, прихватывая иногда и

часть ночи. Любимыми писателями были Жюль Верн, Майн Рид, Джек Лондон, чьи книги привили им любовь к странствиям. Ежегодно с большим энтузиазмом туризма Усольцевой Зинаидой Васильевной они в летние каникулы ходили в походы, страсть к которым сохранили на всю жизнь. С ней же они участвовали в областных слётах по туризму, занимая призовые места. Алику легко давалась математика и он, как орешки, щелкал самые сложные задачки, находя для их решения свои способы и приёмы. Когда увлекался решением, его было бесполезно чем-нибудь отвлечь, он как бы уходил в транс. Упорство к достижению поставленной цели стало кредо его жизни. После окончания школы поступил на химико-технологический факультет Уральского лесотехнического института, где продолжал заниматься художественной самодеятельностью, научился хорошо играть на гитаре, прекрасно пел, был незаменим и неутомим в походах. Приезжая в родной город, с превеликим удовольствием делился со своими школьными друзьями новыми песнями, одним из первых познакомил с творчеством Владимира Высоцкого. На последнем курсе на преддипломную практику был направлен на один из заводов военно-промышленного комплекса в Смоленскую область. Получив диплом и направление на Курганский автобусный завод, поехали со своим другом Севкой на это предприятие, чтобы узнать о характере работы, жилищных условиях. В отделе кадров сказали, что есть должность мастера и инженера-химика, из жилья - место в общежитии. Алик написал письмо директору завода, где проходил практику, о возможности трудоустройства. Тот прислал ответ о согласии принять на работу, хотя в то время это было нарушением трудового законодательства об обязательной отработке выпускников по направлению института. Зная, что Алик играет на трубе и гитаре да к тому же хорошо поёт, в чём убедился директор в период его практики, так как видел его на сцене, то он принял грех на душу и приютил беглеца, взяв того под юридическую защиту. Кстати сказать, позднее он возглавил Министерство оборонной промышленности. Вскоре Алик женился на девушке, с которой познакомился в период практики, получил от завода двухкомнатную благоустроенную квартиру, родили и воспитали сына Андрея, доработав вместе до пенсии, дождавшись внуков.

Севка, повзрослев и бывая иногда в Москве, обязательно выкраивал день-другой, чтобы навестить своего незабвенного друга, с которым они были как братья, и даже однажды вместе с ним поиграл в заводском оркестре на городской демонстрации в один из праздников, позднее, свозив к нему, в гости и своего младшего сына. У него сложилась своя судьба. В школе ему пророчили и советовали стать артистом, потому что он занимался в студии народного театра и уже играл вместе со взрослыми в спектакле и даже дали ему направление-характеристику в театральное училище или институт.

Но, реально взвесив свои материальные и артистические возможности, учитывая то, что актёрами хотят стать очень многие и в особенности из артистических и околотеатральных семей, поступил в педагогический на факультет по предмету, который неплохо знал и любил.

Отслужил три года в армии, вернулся домой, устроился на работу, женился, вырастил двух сыновей, подаривших ему прекрасных внуков, и вышел на пенсию отработав в родном городе сорок пять лет, Где бы и кем бы он не работал, был всегда верен своей малой родине, хотя было много возможностей и предложений по смене места жительства. Он всегда болезненно переносит, когда считают и называют наш маленький городок большой деревней, а весь край медвежьим углом и провинцией, считая, что настоящие русские патриоты, именно живут здесь и по-настоящему думают и болеют о великомученице России. И если бы не советская власть, которую сейчас не хулит и не хает только ленивый, то эти послевоенные ребяташки, выросшие без отцовского влияния

и ласки, не смогли бы достичь ничего. Она действительно вырастила их, давая возможность бесплатно учиться и выплачивать стипендию, на которую они жили, помогая, выделяла одежду и обувь, выдавала талоны на бесплатные обеды и ещё многое делала, чтобы облегчить их нелёгкую судьбу. И читая книги и произведения как демократов, которые врут, не зная истинной деревенской жизни, о судьбе крестьян и, так называемых знатоков истории, которые, абсолютно, не изведав того, что сами придумали, основываясь на тех, кого наказала за преступления советская власть, я диву даюсь насколько же надо ненавидеть простой народ, который всю жизнь кормил и помогал им жить, а главное, получить бесплатно высшее образование.

В марте 53 года, когда умер Сталин, Севка с друзьями, побывали на траурном митинге, на котором все люди не поддельно, а действительно скорбили, не скрывая слёз, плакали. Придя домой и не говоря никому ни слова, написал письмо в редакцию газеты «Пионерская правда», в котором искренне сожалел о кончине вождя. Его об этом никто не просил, не поручал, и он не был ещё ни октябрёнком, ни пионером, а только начал учиться в первом классе, то есть, как говорят англичане, являлся пока чистейшим листом, никем не оболваненным и не заорганизованным, о чём постоянно твердят и убеждают неопытную молодёжь средства нынешней массовой информации. Уже где-то в мае из редакции, не в пример нынешним временам, на красочном фирменном бланке пришёл ответ, где редакция поблагодарила Севку за высказанное соболезнование.

Этим письмом Севка страшно гордился, его зачитали перед всем классом, а потом, когда он принёс его в Дом пионеров, оно к великому огорчению где-то осело, не вернувшись уже никогда.

И они, выросшие без отцовского пригляда, никогда не считали себя бедняками, обделёнными судьбой, а жили, радуясь своему свободному детству, и всегда, как мотыльки на свет, стремились при малейшей возможности навестить свой отчий край, подышать его неповторимым воздухом, попить студёной и хрустальной ключевой водицы из родника, который накрепко и навсегда связал их с землёй, где находятся их родовые корни, где они получили путёвку во взрослую жизнь.

2011 г.

Военком

В своей жизни мне приходилось контактировать да и работать с руководителями разного уровня, от бригадира до областного управленца. Встречались разные люди - по уровню образования, опыту работы, знания дела. Я лично знал председателей колхозов, которые, окончив четыре класса в сельской школе, выводили свои хозяйства в число лучших в области. А многие руководители районного звена потом успешно возглавляли различные отрасли народного хозяйства в областных структурах. Как правило, у всех был государственный подход к делу, природная хватка и сметка, умение понимать простого человека, отсутствие жажды наживы и подчинение личных интересов общественным. Правда, тогда существовала прекрасная, отработанная временем система подготовки кадров на всех уровнях. Это сейчас во главе многих хозяйств, организаций, контор, офисов стоят люди, которым в советское время не доверили бы управление даже бригадой. Как говаривала моя бабушка, «им бы ягодки да грибки, потеряй деньки!» Одним словом, пофигисты! Всё до лампочки: дела, люди, результат.

Особое место в управлении занимают военные. У них всё расписано от «а» до «я».

Есть уставы, инструкции, предписания. Строго следуй им, вовремя исполняй, докладывай. При должном исполнении следующее воинское звание гарантировано по

сроку, а там ,глядишь, и должность повыше. Всё расписано, как по нотам. Но, оказывается, и там можно относиться к выполнению своих должностных обязанностей по-разному, проявить свою инициативу, сделать большее с пользой для людей, города, государства. Например, мне посчастливилось долгое время общаться с удивительным, интересным и увлечённым человеком, которого знали не только во всём районе, но и по всей области. Это наш районный военный комиссар, подполковник Луценко Иван Андреевич.

Родился он 20 июля 1921 года на Полтавщине в селе Котельва в крестьянской семье. После окончания седьмого класса поступил в сельскохозяйственный техникум города Ахтырска Сумской области. По призыву комсомола «Молодёжь, на самолёты!» был с третьего курса направлен в Ташкентское лётное училище. Но, стать лётчиком дано не каждому, и он становится курсантом пехотного училища, по окончании которого в июне 1941 года назначен командиром взвода 194 горно-стрелковой дивизии. В этой должности встретил войну. Командовал стрелковой ротой, был помощником начальника штаба полка по разведке, а потом уже и всей дивизии. Дважды ранен. В апреле 1944 года был направлен на учёбу в Высшие разведывательные курсы, а в июне - в Краснознамённую разведшколу Генштаба Красной Армии. Сказались полученные ранения, и в 1948 году по состоянию здоровья он был направлен в распоряжение Уральского военного округа, где был назначен на должность начальника части военного комиссариата г.Шадринска. С июля 1950 с двухгодичным перерывом, вызванным территориальным переустройством всей области - бессменный комиссар Катайского райвоенкомата, службе в котором отдал больше двадцати лет. Награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги» и другими правительственными наградами. В 1955 году заочно окончил отделение английского языка Военного института иностранных языков, получив специальность военного переводчика. Член Коммунистической партии с 1945 года.

За сухими и скупыми строчками автобиографии, трудно распознать истинное лицо человека, его дела, отношение к работе, результаты труда, тем более, мысли и чаяния. Должность военкома сельского района - майорская и то, что Иван Андреевич дослужился до звания подполковника, говорит о многом.

Не перечислить забот у военного комиссара. Но, самая главная - это учёт всех военнообязанных. В начале шестидесятых ещё возвращались с прошедшей войны фронтовики. Всех надо трудоустроить, инвалидам оказать социальную помощь и поддержку, организовать лечение. Офицерам, ушедшим в запас и отставку, необходимо помочь в получении жилья вне очереди, а его в городе, как всегда, не хватало. А ещё огромная забота - организовать подготовку призывной и допризывной молодёжи к службе в армии, обучить её воинским специальностям. Да мало ли каких забот у комиссара? Штат же военкомата был очень небольшим и все – вольноопределяющиеся: сотрудник военно-учётного стола, бухгалтер, секретарь-машинистка, она же курьер, сторож да конюх. И, учитывая состояние сельских дорог, телефонной связи, количества проживающего населения в районе и транспорта того времени, поражаешься тому, как удавалось выполнять поставленные законом задачи. Возглавляемый им военкомат всегда был одним из лучших в области. А иначе и быть не могло, таков Луценко - самобытный, с неизменным тонким юморком, интересным украинским говорком, с его всем известной присказкой « от таким порядком». Он был известен всем жителям, от старого до малого, безоговорочно вхож во все инстанции и организации, уважаем людьми, авторитетным руководителем.

Оказавшись на территории района, где в годы гражданской войны был сформирован

первый на Урале рабоче-крестьянский полк «Красные орлы», он начинает скрупулёзно, по своей инициативе изучать историю его создания. Казалось бы, какое до него дело военкому? Итак, забот невпроворот. Он же списывается с начальником штаба полка Дудиным Леонидом Афонасьевичем, через него ведёт переписку с архивами, музеями, находит живых участников, составляет списки погибших, связывается с Маршалом Голиковым Филиппом Ивановичем и уже в июле 1958 года организует и проводит празднование 40-ой годовщины полка. Праздник получился зрелищным и оставил неизгладимое впечатление у всех его участников. Играл военный духовой оркестр, выступал ансамбль песни и пляски Уральского военного округа, было очень много гостей, видных военачальников, бойцов, их родственников. К этому дню приурочили открытие летнего кинотеатра, где и проходила торжественная часть, был праздничный обед, организованы встречи красноорловцев с молодёжью района. Позже эти встречи стали традиционными, Иван Андреевич был инициатором увековечивания памяти командиров полка, добиваясь присвоения их имён улицам города. К улицам Акулова, Степанова, Кобякова добавились Юдина, Ослоповского, Дудина, Голикова, Ковригина. Начали создавать комнаты боевой славы в учебных заведениях. Открыли музей на родине маршала Голикова Ф. И. в деревне Борисовой, обновили экспозицию в районном. Стало хорошей традицией проводить лыжные соревнования на призы командиров полка Кобякова среди допризывной молодёжи и Ослоповского, но уже среди призывников. Нередко можно было увидеть среди участников и самого военкома. В год пятидесятилетия полка призывники совершили многодневный велопробег по местам боевых действий до города Кушвы в Пермской области. У него были налажены самые тесные связи со всеми, кто сколько-нибудь связан с делом воспитания молодёжи. Райком комсомола, спорткомитет, районо, райком ДОСААФ, редакция районной газеты «Знамя», Дом пионеров – он никогда не гнушался зайти к ним, присутствовать на совещаниях и заседаниях и принять самое активное и заинтересованное участие в обсуждении вопросов.

Главной задачей военных комиссариатов всегда была подготовка молодёжи службе в армии. Состояла она из двух этапов: на первом выявляли количество допризывной молодёжи, проводили медицинское освидетельствование каждого, определяя степень готовности. Нуждающихся в лечении определяли в медицинские учреждения, а те, кто по состоянию здоровья не подходил совсем, на воинский учёт не ставили. По достижению призывного возраста начинался отбор для подготовки воинских специальностей и предварительного определения родов войск. В первую очередь готовились водители, радисты, парашютисты, которых направляли на специальные курсы в школы ДОСААФ, как правило, в Курган и Шадринск. Необходимо было решить вопросы освобождения от работы с сохранением заработной платы, организовать доставку курсантов, проконтролировать их учёбу и состояние дисциплины, бытовые условия, питание. В летний период организовать десятидневные полевые сборы, где будущие бойцы, проживая в палатках, изучали воинские уставы, несли службу в нарядах, занимались боевой, строевой и физической подготовкой, выполняли начальное упражнение по стрельбе из автомата, стреляли из малокалиберной винтовки. А до этого нужно было подобрать инструкторов, командиров взводов из числа уволенных в запас сержантов и старшин. Призывники – народ разный. Водились и шалопаи, как без этого. Бегали на свидания в самоволку, могли и винца позволить по случаю дня рождения. Тогда начиналась воспитательная процедура. Провинившегося приглашал к себе военком и беседа заканчивалась традиционно:

- За нарушение десять рублей у банк. Квитанцию на стол. От таким порядком!
И никто не перечил, не обижался. Бывало, матери нерадивых юношей приходили к

военному и слёзно просили:

- Иван Андреевич, заberi ты моёго оболтуса как можно скорее, а то не ровен час, посадят!

Выслушав внимательно мамашу, военком произносил:

- Сама виновата, проследила. Призову, но только в стройбат. Ненадёжен, подведёт весь район.

И многих таким вот образом он действительно спасал от тюрьмы, за что они позднее были ему весьма благодарны и никогда не скрывали этого.

Особую гордость у призывников вызывало предложение послужить на флоте. Морская выправка, форма, бескозырка с развевающимися лентами, тельняшка, брюки -клёш –мечта любого парнишки! И, несмотря на то, что служба там длилась на год дольше, желающих всегда было достаточно. Об уклонении от воинской службы, а тем более о дезертирстве не могло быть и речи. А тот, кому по какой-либо причине не довелось изведать солдатской каши, считался ущербным и неполноценным парнем, тем более женихом. Это сейчас, к великому сожалению, стало модным хвастать тем, как удалось «откосить» от армии. И так уже служат в основном парни глубинки.

Целенаправленную работу проводил комиссар по отбору кандидатов на учёбу в военные училища, придавая этому делу особенное внимание и заботу. Он всегда безошибочно угадывал, из кого получится настоящий офицер. Помогал в выборе училища, прохождении углублённой медкомиссии, отправке. После поступления следил за ходом учёбы, прохождением службы, карьерным ростом. Во время их отпуска он всегда выкраивал время для личной встречи. А в комнате боевой славы в военкомате появлялся обновлённый материал. Многие наши выпускники дослужились до полковника. Среди них Устюжанин М. М. - одно время командовал дивизией, Чистяков В. И - зам начальника штаба ГО в Туве, заведующий кафедрой в академии МЧС, Кузьменко А. Ф – член военно-научного Совета Министерства Обороны России и многие другие. Позже появились и генералы. Но кому до них сейчас есть дело? Тем более до полковников. Служат России, ну и пусть себе служат. Да и военкоматы не те. И армия не та. И служат один год. И я, отслуживший три года, с большой ответственностью имею право доложить, что за год настоящим военным специалистом, способным решать поставленную боевую задачу, стать весьма проблематично. Тем более, если учесть уровень технической оснащённости Вооружённых Сил современнейшими средствами ведения огня и связи.

Меня всегда поражала способность Ивана Андреевича общаться с людьми. Будь то призывник или убеждённый сединой ветеран, он со всеми разговаривал, как равный с равным. Тактично, вежливо, с большим уважением и терпением. Не переносил и не использовал в своей речи мат. Но в тоже время был очень требовательным и строгим. Вспоминаю такой случай. Прибыл я в объявленный мне за несение воинской службы отпуск. Дело было в декабре. Я, как водится у нас в погранвойсках, пришёл вставать на учёт в зелёной фуражке. Военком встречает меня и спрашивает:

- Боец, почему нарушаете форму одежды?

Отвечаю:

- Я служу на южной границе в Закавказье. У нас шапок не положено.

- Не надо обманывать. По уставу вы в это время обязаны прибыть на Урал в зимней форме одежды. Делаю вам замечание, сообщите об этом командиру своего подразделения.

В шестидесятые годы в целях усиления военно-патриотического воспитания подрастающего поколения комсомол берёт шефство над подводными лодками, кораблями, целыми воинскими частями, была подшефная часть и у областной организации. Вот тогда-то и зародилась у Ивана Андреевича заветная мечта занять свою воинскую часть.

Тем более, что у Катайска есть свои Герои Советского Союза. Целых семь. А к вручению седьмой Звезды он имеет прямое отношение. Это он организовывал чествование Давыдова Фёдора Николаевича, которому вручили заслуженную награду через двадцать лет, в 1965 году. Но особенно интересная судьба сложилась у первого Героя - Ватагина Алексея Михайловича, ставшего им ещё в годы войны с белофиннами и погибшего,

не дожив до дня Победы всего девять дней в звании майора и похороненного в местечке Вышкол, что в Чехословакии. К тому же ещё была жива его мать Анна Наумовна и другие родственники. Начались поиски. Через архив установили, что часть, в которой он воевал, расквартирована в Тбилиси. Включились в переписку с Министерством обороны, ЦК комсомола. Оказали поддержку местные партийные и советские органы. И уже осенью 1967 года первая партия призывников отправилась служить в подшефную, ватагинскую танковую часть. В феврале следующего года мне довелось возглавить делегацию призывников района из восьми человек, которым предстояло служить в этой части, на празднование пятидесятилетия Вооружённых Сил. Каждому воину земляки, работники с их предприятий и организаций послали подарки, наказы, письма родителей, друзей и подруг.

В части нас приняли очень гостеприимно и приветливо. Призывникам механизаторам даже доверили управление боевой машиной. Командир части полковник Магулария очень тепло отозвался о службе наших бойцов, пожелал, чтобы эти связи продолжались и укреплялись, что длилось долгие годы. И ещё не один раз посещали мы эту часть. А солдаты, прибывая в очередной отпуск, обязательно навещали мать Героя. Делегация части присутствовала на комсомольских мероприятиях. Был проведён районный слёт ватагинцев, организовывались встречи с молодёжью на производстве и в учебных заведениях. Было развёрнуто районное соревнование за право служить в этой части. В неё призывались только имеющие среднее образование, спортсмены-разрядники, комсомольцы. Некоторые уходили, будучи кандидатами в члены КПСС. За 25 лет не одно поколение молодых катайцев прошло в этой части армейскую закалку. Служили целыми семьями: братья Коуровы, Деньщиковы, Алексеевы. С распадом Союза и с возвращением последних ватагинцев Алексея Карлыкова и Дениса Птицына, прекратилась и связь. Даже в сумасшедшем сне невозможно было представить, что в следующем веке наши самолёты обрушат свою огневую мощь на эту военную базу как на подлого агрессора. Неисповедимы пути твои, Господи! Да и вовсе не пути. И не Господа. А глупая прихоть одержимого царедворца, напавшего на мирную Осетию. Причём, сделав это в день открытия Олимпийских игр, когда умолкают все пушки.

Благодаря слаженной совместной работе военкомата и райкома комсомола, районная комсомольская организация по этой работе неоднократно становилась победителем Уральского Военного округа и награждалась переходящим Красным знаменем, а в 1969 году ей навечно вручено памятное Красное Знамя полка «Красные Орлы».

В 1974 году приказом начальника штаба УралВО Иван Андреевич увольняется в запас по выслуге лет и уже в июне этого года избирается председателем горисполкома Катайска. И на этой беспокойной должности он остаётся верен своим принципам отношения к порученному делу. Достаточно вспомнить его дотошность. Изучив технологию укладки асфальтового покрытия, он лично с помощью линейки и лопаты проверял толщину каждого уложенного слоя и только после такого контроля подписывал все документы и процентовки. Ни до него, ни после никто так не делал. Вот пример настоящего рачительного подхода к расходованию государственных средств.

Позже он работал руководителем военного дела в средней школе №1, в Боровской и

Верх-Ключевской. И в каждой из них он оставил о себе хорошую память в виде стрелковых тиров, оборудованных один лучше другого. А при подготовке к проведению в городе областных сельских спортивных игр «Золотой колос» при строительстве тира легкоатлетического манежа ему было поручено оснастить его необходимым для стрелкового спорта оборудованием. И он успешно справился с поставленной задачей, снабдив его всеми новейшими техническими средствами, каждый стрелок наглядно видел результат своей стрельбы по мишени. Луценко сам решал все возникающие проблемы, не обращаясь за помощью к руководству города и района.

Но не только работой жил наш герой. Он был хорошим опытным садоводом, и его дача была в идеальном состоянии. Увлекаясь классической музыкой, он имел лучшую в городе фонотеку, и многие музыканты постоянно заимствовали у него интересующие их грампластинки. Много читал, был эрудитом, приятным собеседником.

Прекрасный семьянин. Вместе с женой Марией Ильиничной воспитали достойных детей, дав им высшее образование. Сын Виктор закончил машиностроительный институт. Занимаясь борьбой самбо самостоятельно без тренера, руководствуясь лишь учебником, выполнил норматив мастера спорта и, тренировал команду самбистов Катайска, которые несколько раз становились чемпионами области. Уехав в Среднюю Азию, увлёкся дзюдо, и по этому виду борьбы также стал мастером спорта СССР. Дочь Елена - неизменная участница художественной самодеятельности, танцевала, ездила в составе агитбригады по району, была комсомольской активисткой, возглавляла комитет ВЛКСМ педучилища, музыкальный работник. Оба проживают в г. Челябинске. Осенью 1990 года произошёл дикий случай. Иван Андреевич в тёмное время суток на одной из городских улиц был сбит редкой в наше время лошадью, запряжённой в повозку, и от полученных травм скончался. И вот ведь в чём парадокс: именно это животное дважды спасало, Ивана Андреевича, по его словам, от верной гибели на фронте. Один раз, она понесла ни с того, ни с сего, галопом, в гору. Буквально через пару минут на том месте упала и разорвалась вражеская мина. Во второй раз конь наоборот заупрямился и никак не хотел продолжать движение, сколько бы всадник ни понукал его. А, ускакавшие вперёд разведчики, напоролась на засаду и все погибли.

Такая она, эта штука - жизнь. Судьба.

2010 г.

Пшенарь

Просо - по латыни - паникум милиацеум - растение семейства злаковых с надземными побегами высотой до одного метра, соцветие – метелка длиной до 60 см, в которой формируется около тысячи зерновок шаровидной формы, чаще желтого цвета и длиной 2-3 мм. В народе его называют пшеном и используют в виде каши. Почему-то в погранвойсках солдат первого года службы называют не салагами, а пшенарями или пшенкой.

Наше поколение, родившееся в последние годы войны, еще прекрасно помнит, как возвращались домой фронтовики, которые, добив немца в Европе, были отправлены на Дальний Восток, на войну с Японией, после капитуляции которой многих оставили дослуживать положенный по закону срок. Часть из них ликвидировали националистические банды на Западной Украине и в Прибалтике. Многие возвращались из госпиталей и плена. Ежемесячно, получая вознаграждение за боевые ордена и медали, они, взяв спиртного и незамысловатой снеди, располагались отдельными группами на бугре возле ключа, что журчит, не прерываясь и поя народ вкусной холодной водой. Вели беседу, то, громко матерясь, то, обнимаясь, плакали, вспоминая только им ведомое что-то. Было много калек. Некоторые из них передвигались на самодельных колясках с колесиками из шарикоподшипников, отталкиваясь от горестной земли короткими палочками с вбитыми в один конец гвоздями, чтобы они меньше скользили. Кто-то ходил, опираясь на деревянные костыли. Кто-то носил рубаху, а чаще полинявшую, отгоревшую от времени и солнца, гимнастерку с зашитым рукавом, заткнутым, чтобы не болтался, под ремень. Кто-то ходил, матерясь и проклиная, на неудобных, жестких протезах, которые натирали обрубок ноги до кровавых мозолей. Уже тогда служивые люди вызывали у нас, пацанов, чувство гордости, уважения и важности воинской службы. В школе, начиная с восьмого класса, изучалось военное дело, где занятия проводил фронтовик – военрук. Он обучал как обращаться с боевым оружием, ходить в штыковую атаку, стрелять из малокалиберной винтовки, поэтому к службе в армии относились весьма ответственно и серьезно, законопослушно мечтая попасть непременно на флот, хотя и служили там на год больше, а именно, четыре года. А к тому, кому по какой-то причине выдавали белый билет, освобождавший его от воинской службы, даже девчонки относились как к ущербному и больному человеку.

По этой причине Сашка Прибавкин, получив повестку в военкомат, не очень-то удивился и явился туда в указанный срок, хотя и было начало лета, а призыв, как правило, проводился в осеннюю пору после уборки урожая. В военкомате он увидел несколько своих сокурсников с других факультетов пединститута, где он учился на первом курсе. После небольшой вступительной речи военкома, слово предоставили какому-то ветерану с медалями, который, как оказалось, до отставки был начальником пограничной заставы где-то в Средней Азии. Потом им всем вручили повестки, на которых значилось, что восемнадцатого июня надлежит явиться в военкомат для отправки в воинскую часть. У Сашки только-только началась экзаменационная сессия, и он, взяв повестку в руки, пошел по кафедрам, чтобы сдать все экзамены за первый курс и зря не потерять год учебы. Наскоро собрали скромные студенческие проводины, со смехом и шутливыми наставлениями отправились в областной военкомат, где уже ждали офицеры в зеленых, доселе невиданных фуражках. Переночевав на деревянных нарах, прошли рано утром нестройной колонной по улицам Кургана под звуки марша «Прощание славянки», загрузились в вагоны. Этот старый марш будет сопровождать его все годы службы, под него он и демобилизуется. В Шадринске сделали первую пересадку, чтобы доехать до

Егоршино, где располагался окружной сборный пункт, на который уже прибыли призывники Челябинской и Свердловской областей. На следующий день большой разномастной колонной в сопровождении пограничников загрузились в эшелон, расположившись по отделениям в пассажирских вагонах. В купе мы уже были все знакомы, так как отделения были сформированы еще в обложеномате и назначены командиры из числа призывников. Все как надо, по-военному. Из репродуктора время от времени звучала музыка, в основном это были военные песни и марши, чаще всего о пограничниках, рассказы по военной тематике. Выступали и самодеятельные артисты из числа призывников, что читали стихи и даже пели под баян песни, таковых оказалось много и весьма талантливых. Но больше всех утомляла гармошка, на которой одну и ту же мелодию пиликал горе-гармонист, причем не в такт, не в лад, зато во всю матушку, на сколько хватало у гармозени звука. Хотя и закликали его уже не один раз, он не реагировал на все наши просьбы. На вторые или на третьи сутки Прибавкин, не выдержав эти испытания и пытки, спросил у солдата -повара, который разносил пищу по эшелону в большом термосе: - Вам гармошечка не нужна? Могу уступить за умеренную плату. На что тот быстрехонько отреагировал:

- За сколько?

- Три банки тушенки. - Идет! Вечером Сашка пробрался в соседнее купе, прихватил с собой инструментик и уже вечером, в момент ужина вручил его за обговоренную плату возвращающемуся на пищеблок повару. Утром, обнаружив пропажу, незадачливый гармонист начал поиски, стал наводить справки. В нашем купе ему с достоинством объяснили, что его гармонь по приказу замполита эшелона взяли в штабной вагон для баяниста, который будет участвовать в концерте по радио для всего поезда, земляк успокоился и с большим пониманием отнесся к этому сообщению.

Эшелон тащился уже пятые сутки. Так как он шел вне расписания, бывало, его останавливали на какой-нибудь маленькой станции или полустанке захолустья. На крупных узловых станциях наоборот загоняли в самые тупики, где заправляли водой. Проводили техобслуживание. Тогда нам разрешалось на некоторое время выйти из вагонов, подышать свежим воздухом, поразмяться. Проезжали Волгу в районе Саратова, удивились и непредвзято восхитились многокилометровым ажурным мостом, осматривая который поочередно высовывали головы в окошко вагона. Стояла несносная жара. Несмотря на то, что все окна и двери были распахнуты настежь, было очень душно. Пот застилал глаза. Дышать было нечем. Зной. Солнцепек. Суховей. Начались голые степи, которые тянулись без конца и края до самого горизонта, где знойный ветер перегонял сухое перекасти-поле, иногда серебрился седой ковыль да торчали верблюжьи колючки. Где-то в районе Эльтона или Баскунчука, где белели горы соли, эшелон остановился на очередном полустанке. Там небольшая группа верблюдов пила воду из деревянного корыта. Мы отогнали животных, включили водоразборную колонку и, как были в одежде, начали купаться под теплой, как парное молоко, струей воды, стараясь побыть под ней подольше, при этом выталкивая друг друга. Мы всем эшелон, как дети, радовались живой влаге, плескались, брызгались, орали и смеялись, как могут молодые парни. Проехали Астрахань с ее многочисленными рукавами Волги, поросшими высоченными зарослями тростника, возле Каспия, зеленые воды которого призывно манили искупаться в его прохладных глубинах, обещая хоть на время освежиться, подходя вплотную к самому железнодорожному полотну.

Баку. Вездесущие, крикливые, загорелые до черноты азербайджанцы пробрались каким-то неведомым путем к эшелону, скорее всего, это были станционные работники, и стали за копченую рыбу и черешню выпрашивать у нас вещи, которые вскоре нам будут

не нужны. Предлагали вино и чачу. Но бдительные сержанты быстро пресекли этот торг, да и мы сами почему-то не очень в жару тяготели к спиртному. Продав кое-что за бесценок, угощаемся вкусной, ароматно пахнущей дымком каспийской селедкой и еще какой-то рыбой, уплетаем за обе щеки редкую и диговинную для наших краев черешню. За окном виднеются высоченные горы, вершины которых подпирают небо, часть из них покрыта зарослями неизвестных кустов и деревьев, некоторые стоят каменными истуканами, поставленными охранять и стеречь этот всегда беспокойный кавказский край.

Наконец-то через двенадцать суток дают команду приготовиться к разгрузке и выходу. Звучит непонятное и непривычное слуху слово Ахалцихе, которое станет для Сашки пристанищем на три года службы, а запомнится на всю оставшуюся жизнь. Ахалцихе в переводе с грузинского обозначает старая крепость и является большим районным центром. В нём расположен всемирно известный исторический памятник - пещерный город царицы Тамары Вардзия. Здесь действительно есть старинная каменная крепость с толстенными стенами, служившая опорным пунктом для отражения от турецких набегов на Восточную Грузию. В этом городе размещался 38-й пограничный отряд, насчитывающий более двух десятков застав, расположенных на территории двух районов и занявших в горах место, кому как повезет. На одних из них лето длится всего лишь два месяца, и можно даже в июне отморозить и руки, и ноги. Где - то, наоборот, снег выпадает крайне редко, тут же тает и в Новый год свободно можно играть в футбол на зеленеющем поле. Некоторые заставы окружены густыми зарослями орешника, дикими фруктовыми садами, а где - то на горном плато нет ни единого кустика и вечные, насквозь продувающие ветра. В таких условиях и предстояло служить уральским парням, охраняя южные рубежи своей необъятной Родины.

Загрузились в крытые брезентом машины и под звуки военного оркестра въехали на территорию воинской части. - Пшенари приехали. Замена. - Откуда, парни? - 3 Вкрайни е кто-нибудь? - Замена приехала! Ура! Скоро дембель! Неслось со всех сторон, молодежь обступили старослужащие, начали давать советы, кое-кто под шумок начал припрашивать часы, перочинные ножички, очень редкие в те времена электробритвы, якобы вовсе ненужные для молодого бойца вещи. Шел свой несправедливый армейский товарообмен. Привели в столовую, накормили обедом, состоящим из вкуснейшего борща, гречневой каши с мясом и клюквенного киселя. Сашкин студенческий, вечно голодный желудок не привык к такому изобилию вкусной пищи, поэтому много осталось нетронутым в алюминиевой солдатской миске. - Ничего себе жрачка, весьма потянет, - вслух поделился мыслями Сашка. Затем всех строем повели в баню, где несколько бойцов с машинками еще раз обкарнали всех до одного «под ноль». Закончив помывку, начали получать обмундирование, складывая, прощаясь на долгое время, гражданскую одежду, в общую кучу. Сразу все стали одинаковой солдатской массой. Каждый потерял свою индивидуальность, и Сашка с большим трудом узнавал своих спутников по купе и вагону. Прибавкин в тоске присел на траву возле куста черешни, вспомнил свой отчий дом на Исети, девчонку, с которой встречался много лет, веселую студенческую компанию, тренера, друзей - спортсменов по секции, немного взгрустнулось. Потом, позднее он каждый год будет приходить сюда в день своего рождения и вспоминать, как начиналось его служба. Одним из последних он прошел все необходимые процедуры и отправился получать амуницию. - О, це Карацупа! Сынок, як же я тобі зроблю перший номер, Дюже пошукаю, но тильки третій и остався! - говорит ему хохол старшина-сверхсрочник и разводит недоуменно руками. У Сашки рост всего 153 сантиметра, да и весу в нем чуть больше пятидесяти килограммов. Делать нечего, напаялил на себя, что выдали, подогнун

рукава, штанины, гимнастерку, ладно хоть яловые сапоги оказались впору. Построение. Распределили по подразделениям, он оказался в четвертой учебной роте, во втором взводе, в первом отделении. Звучит команда:

- Четвертая рота по машинам! Загрузились всем отделением в ГАЗ-63 и колонной по извилистой дороге, которую и назвать так можно только условно, серпантином потянулись по перевалу. Смеркалось, уже при свете фар остановились. Невдалеке слышался многоголосый громкий собачий лай.

- Приехали! Уравели! К машине! – подает команду младший сержант. В этом месте, как оказалось, базировалась школа сержантского состава погранотряда и здесь же находился питомник служебных собак. Сама школа представляла собой двухэтажное здание из белого силикатного кирпича с учебными классами, спальными и бытовыми помещениями. Питомник служебных собак состоял из нескольких огороженных отдельных отсеков, в которых находилось несколько десятков породистых симпатяг – щенков, и собственной кухни. Все это размещалось в красивейшем месте, на берегу небольшой, бурно текущей речушки, на природной ровной террасе. Вода в ней была настолько холодна, что о купании не могло быть и речи, смелости хватало лишь на то, чтобы слегка окунуться и выскочить, как ошпаренный, обратно, но тем не менее каждое утро после физической зарядки строгие сержанты обязывали нас принимать водные процедуры. Рядом тек природный минеральный источник с целебной водой типа «Боржоми», холодной и насыщенной газами до такой степени, что уже после одного-двух глотков ломило зубы. Всю роту повели куда-то вниз, под гору, где в несколько рядов стояли брезентовые палатки в освещении четырех фонарей.

- Отделение! Разместиться в палатке, отбой!

Укладываемся спать. Из знакомых Прибавкин увидел лишь одного земляка Генку Казакова из Шадринска. Под утро все, как цуцки, замерзли и команду «подъем» восприняли с большой радостью. Командир отделения Фазиахметов показал, как правильно наворачивать портянки, подшивать подворотнички, приказал, чтобы при построении никто ничего из формы не подворачивал. Сашка добросовестно выполнил все его указания. Когда роту выстроили на плацу, его внешний вид рассмешил бы, наверное, даже обитателей питомника: гимнастерка свисала, как длинное платье, штаны-галифе напоминали запорожские шаровары, кисти рук из рукавов не виднелись совсем.

- Это что за чучело? – весело сказал командир роты капитан Соснин, - старшина, выдайте бойцу б/у по размеру.

К концу учебки, которая длилась три месяца, вся одежда бойцов изрядно потрепалась, была штопана-перештопана, вся в заплатках на локтях и коленях от ползания по скалистому грунту. Учебка Сашке давалась легко, занимаясь спортом, он бегал кроссы, был вынослив, и в роте ему не было равных по подтягиванию на перекладине и подъему переворотом. Одним из первых он получил благодарность от командира роты за удачную стрельбу из малокалиберной винтовки, выбив 29 очков из тридцати возможных, точно отстрелял норматив из автомата, поразив мишени тремя выстрелами, хотя для этого давалось девять патронов. После окончания учебки, Прибавкина определили на резервную заставу, на базе которой формировался духовой оркестр отряда, находились художественная самодеятельность и спортсмены части. Вместе с ним попал москвич Саня Коробейников, которого Сашка обучал, как лучше обернуть портянки. Однажды, когда они были вместе в наряде и кололи дрова для походной кухни, тот завязил в полене топор и никак не мог вытащить. Сашка одним движением ударил через плечо о другое бревно, как привычно это делал дома при заготовке дров, выручил своего неудачного напарника. Потом он попросил, чтобы тот не маялся, а лишь ставил поленья «на пол», а сам умело и

сноровисто махал топором, на что повар с удивлением произнес: - Вот, чума, что вторит! Мужик, а не пшенарь, не смотри, что малец, ну дает! Когда их привели в казарму, один из старослужащих в полинялой, выцветшей гимнастерке, с вислыми по-хохляцки усами, который показался Сашке каким-то старым дядькой, спросил: - Ты, сынок, не хранишь? Ложись со мной рядом, есть свободная койка. Это был рядовой, уходящий в запас, со странной фамилией Соловей. Да и у большинства из них были редкие фамилии: Пантак, Вистяк, Храпун, Стрелец, потому, что все они были родом из Украины. А пустое место было потому, что он храпел, как сивый мерин при большой нагрузке. Это Сашка понял уже в первую ночь, накрывшись от богатырского храпа подушкой.

На заставе служить было гораздо легче. Развод. Занятия. Репетиции. Весь день был занят и пролетал быстро и незаметно. Приятной отдушиной стали дни, когда они выезжали с концертами на заставы, в Дом офицеров, соседние села, особенно туда, где жили русские староверы-духоборы Богдановку, Орловку и Филипповку, да когда в составе тревожной группы приходилось мчаться по тревоге на заставу, где происходило «ЧП». Но больше всего Сашке повезло, когда его направили в Абастумани на контрольно-пропускной пункт, который устанавливался на Зекарском перевале при сходе снега и открытии короткой дороги к городу Маяковски, чтобы сократить расстояние. Возглавлял пост сержант, службу несли круглосуточно по два человека на шлагбауме для проверки документов. Самостоятельно готовили пищу, устанавливали распорядок дня, сна и отдыха. Проезжающие гостеприимные грузины частенько угощали их овощами и фруктами, со многими они познакомились, иногда те готовили прямо возле поста шашлыки, так как в Абаступани располагалась всесоюзная здравница.

Однажды через этот перевал и их пост проезжал командующий пограничного округа генерал, ставший впоследствии командующим всеми погранвойсками страны. Всех, конечно, предупредили, навели должный марафет на себе и на территории. При подъезде генерала к посту, ефрейтор Бондарь, как положено, представился и по привычке: - Пограничный наряд, ефрейтор Бондарь. Прошу предъявить документы! - Ты, что, сынок, разве забыл, что документы у командующего не проверяются. Вы должны знать его в лицо. - Я, товарищ генерал, не вам, а водителю. Тот хват - похват по карманам, а документов никаких нету. - Как фамилия? – переспрашивает генерал. - Ефрейтор Бондарь.

Когда генерал отъехал, начальник поста Паша Гафнер отматерил, как положено, слишком бдительного ефрейтора и предположил, что с поста их всех непременно снимут, а Бондаря посадят на гауптвахту. И точно, не прошло и часа, как позвонили из отряда, чтобы тот срочно прибыл в часть. А случилось следующее. При вечерней поверке генерал перед всем отрядом поведал о случившемся, вызвал Бондаря из строя, объявил ему отпуск на родину за бдительное несение службы, а остальным бойцам наказал, чтобы больше документы у водителя не проверяли.

Приходилось Сашке принимать участие в задержании настоящего нарушителя. Случилось это в Первомайские праздники. Просмотрев кино в клубе части, уже уложились спать, но поздно ночью прозвучала команда: - Застава, в ружье! Тревожная группа, в состав которой в тот день он входил, взяв собаку по кличке Алмаз, державшую след порядка десяти часов, выслушав вводную от капитана Алиева, они вместе с ним погрузились в УАЗик. А вводная гласила, что неизвестный, угрожая пистолетом, спросил у женщины-стрелочницы дорогу на Тбилиси, а сам устремился в сторону Вале, последней станции перед Турцией. Подъехали к будке на железнодорожном переезде, испуганная женщина еще раз подтвердила случившееся, описала приметы угрожавшего. Вскоре собака взяла след, который с путей перешёл на лесную дорогу, ведущую в заросшие орешником горы. Часа через три по мосточку из поваленных деревьев перебрались через

небольшую горную речушку к темнеющей овечьей кошаре. Окружили ее со всех сторон, приготовились к бою. Прибавкина, как самого молодого, отправили в кошару в сопровождении офицера с пистолетом в руке. Капитан молча, кивком головы, указал на лестницу, ведущую наверх. Сашка надел на ствол автомата свою фуражку и медленно стал подниматься. Поднялся и капитан. - Руки вверх! Бросай оружие! – Сашка клацнул затвором автомата, сено в углу зашевелилось и поднялась какая-то неуклюжая и большая фигура. Подоспевшие товарищи скрутили нарушителя, связав ему руки имеющимися концами веревок, специальных для таких целей. - Кто такой? Куда идешь? – спрашивает Алиев. - Володя. В Тбилиси. - Откуда? - Из Тбилиси.

Доставили задержанного в особый отдел. - А, Володя, заходи. Знакомый, - заулыбались они, - наш клиент! Оказалось, что у него не все было ладно с головой. В него то ли стреляли, то ли сам пострадал в детстве от выстрела, но он очень боялся громких звуков, хлопков, взрывов. А тут попал на стадион, где проходил спортивный праздник Ахалцихе, где дали старт из спортивного пистолета, и у человека снова заклинило. Но так было не всегда. Случались и дела посерьезней.

Вскоре Сашка поехал в командировку за молодыми бойцами в Пермь, встретил земляков, будущих своих сослуживцев, а значит, перешел из армейской касты «пшенарей» в следующую ступень солдатской иерархии и теперь уже сам Прибавкин стал наставлять молодежь, как лучше нести воинскую службу, всем премудростям незамысловатого армейского быта.

2007 г.

Радистка

Время неумолимо всё дальше и дальше отодвигает нас от Великой Победы. С каждым годом реденеют ряды фронтовиков, участников смертоносной схватки. Они не любили рассказывать о своём участии в ней. А мы в своё время, к большому сожалению, не старались в сутолоке жизни, расспросить их, записать воспоминания. Каждый из них, участвуя в событиях тех лет, уже был героем. Миллионы ушли, не сказав о войне ни слова. Отрадно видеть и сознать очень полезную деятельность поисковых отрядов, участники которых в своё личное время и порой на свои средства организуют поиски захоронений павших воинов. Где-то в Белоруссии в Полесье жительница одного из сёл рассказала, как они, двенадцатилетние девочки, сховали тело павшего бойца, предав земле. Начались поиски. Нашли останки и по медной бляхе с якорем узнали, что он, скорее всего, был краснофлотцем. Проводя поиски, откопали ещё с десятков останков, но при обнаружении их, изъяли вещи, принадлежащие противнику. По двум значкам-кокардам узнали, что это были немецкие фельдъегеря. Отыскали пулемёт Дегтярёва с пустыми дисками. Кто был этот пулемётчик? Как моряк оказался в этих болотистых лесах? Увы, это навсегда останется тайной. Одно несомненно, что он пал геройски.

Особенно я поражаюсь сочетанию женщина и война. Исторически сложилось, что они привлекались на театр военных действий в качестве медицинского персонала госпиталей и медсанбатов, санинструкторов. Даже это вынесет не каждый мужик. Служили по обеспечению связи радистами и телеграфистами, копировальщицами. Обеспечивали хозяйственную работу в войсках. Но, то, что они были боевыми пилотами, летая на ничем не защищенными тихоходными самолётами в ночное время, нанося непоправимый ущерб врагу, вызывает к ним особое уважение и признание. Зенитчицы

под воем вражеских снарядов и бомб вели прицельный огонь по армадам «Люфтваффе». Наша землячка Мария Лагунова освоила танк. Участвуя во многих танковых сражениях, будучи тяжелораненой, оставшись без обеих ног, продолжила службу в родной части. Всем им хвала и слава за вклад в разгром врага!

Война в жизнь каждой семьи входит по-своему. Да и в судьбу человека неодинаково. Валя Кротова до войны работала секретарём-делопроизводителем в аппарате Свечинского райисполкома Кировской области. Администрацию вполне устраивало отношение к работе усердной и исполнительной, старательной девятнадцатилетней девушки. К трудолюбию и ответственности её приучили дома в большой крестьянской семье, где кроме неё были ещё брат и три сестры. Жили они в деревне Кроты, состоящей из трёх десятков дворов, что в десяти километрах от районного центра Свеча. По этой причине почти все жители носили фамилию Кротовы. Места там глухие, таёжные. Непроходимые крепи да болота. Богаты и грибами, и ягодами, и зверьём, и птицей. Отец Фёдор Васильевич, как и большинство северян был заядлый рыбак и охотник. С ранней весны на столе имелаась в достатке свежая рыба, которую он ловил на единственном в их округе большом озере. Осенью подходила боровая дичь : рябчики, тетерева, глухари, на которых ставились силки, хлопцы. Федор Васильевич был крепкий, сильный широкоплечий мужик, настоящий богатырь, с пышными большими усами. Ему довелось встретить первую мировую войну в Севастополе, где служил на крейсере «Заря» старшиной первой статьи и доблестно сражался в составе Черноморского флота. В деревне эту семью называли флотской. Односельчане говорили, показывая на Фёдора: – Вон флот идёт! Чья там девка лучше всех пляшет? – Флота. Мать Анисья Даниловна хлопотала по хозяйству, где было полно разного скота и птицы. К сожалению, хозяин прожил недолго и ей одной пришлось поднимать пятерых детей. Брат Василий и сестра Александра ещё до войны получили специальное образование. Он окончил зооветеринарный техникум по специальности ветврач. Сестра с дипломом «учитель начальных классов» была направлена в Зауралье в село Черемисское Катайского района. Кончилась первая военная зима. Однажды, в начале мая Валя, как обычно, утром пришла на работу. Села за стол, приготовила все принадлежности, что потребуются . В это время вошел вестовой из военкомата и вручил ей повестку: в восемнадцать ноль-ноль прибыть на станцию Свеча для отправки на фронт. Времени всего-то ничего, а ведь надо побывать в деревне, чтобы проститься с близкими и взять собой кое-какие принадлежности, еду на первое время. Опоздания недопустимы. Время военное. Это могут посчитать за дезертирство. и, как работник советского аппарата, Валя знала, что значит нарушить Закон. Но, слава Богу, всё обошлось, и они со старшей сестрой прибыли на вокзал к установленному сроку. Её зачислили в состав дорожно-строительного батальона. Мобилизованные переночевали прямо на вокзале. Рано утром началась напряжённая, но чётко организованная работа. Сновали люди, перетаскивая какие-то грузы. По деревянным сходам с трудом заводили в вагоны испуганных лошадей. Грузили телеги, дрова, фураж и сено. Закатывали бочки с питьевой водой. Таскали ящики. Вносили разнообразный инструмент. Топоры, лопаты, ломы, кирки. Валя сразу активно включилась в работу. Люди расположились тоже в товарных вагонах на специально подготовленных нарах. Наконец, погрузка была закончена. Машинист паровоза дал продолжительный предупреждающий гудок и очень медленно, чтобы не попадали в вагоны лошади, тронулся в путь. Всё время, пока эшелон набирал скорость, старшая сестра бежала за вагоном, что-то крича и рыдая, утирая набегавшие слёзы. Эшелон направился в сторону Ленинграда. В пути следования им выдали обмундирование, кому сапоги, кому ботинки с обмотками, шинели. После какой-то остановки пошёл слухок, что на ленинградском направлении очень сильные налёты

вражеской авиации и есть опасность бомбёжки. К счастью, на станции Буй Вологодской области им изменили путь следования и направили в сторону Москвы. Это известие всех обрадовало и вселило некоторую уверенность, что останутся живыми. Через несколько дней состав остановился под Тулой. Выгрузились. Расположились в палатках. Началась суровая боевая служба. Всё вокруг было разрушено. Пожарища. Пепелища. Их задачей было восстанавливать разрушенные дороги, ремонтировать мосты, стелить гати для прохождения наступающих войск. Они долбили тяжёлыми ломами землю, грузили её на подводы и по мешанине и слякоти доставляли на дорожное полотно, чтобы засыпать воронки от снарядов и бомб. Валили лес, и усталые лошади волокли его к месту ремонта. Заготавливали дрова, чтобы обогреться и обсушиться в палатке. В них же и приходилось мыться. Валентина сильно простыла. Заболели почки. Отказали ноги. Три месяца пришлось валяться в полевых госпиталях под Тулой. И лишь под Рязань она попала к врачу-специалисту. Подлечили, сумели поставить на ноги и даже вернуть в боевой строй в составе 208-го запасного полка. Из этого полка представители разных частей пополняли свой личный состав. Капитан НКВД несколько раз приезжал, приглядываясь к Валентине и изучая её личное дело. Через некоторое время, после многочисленных проверок и перепроверок получила направление в распоряжение управления войск НКВД 3-го Белорусского фронта. Она к тому времени была уже членом ВКП(б), имела некоторый опыт работы в советских органах, а значит, имела допуск к секретной документации и умела хранить государственную тайну. И уже в сентябре была зачислена в 106-ю отдельную роту связи радистом-телефонистом. Сразу же приступили к освоению новой военной специальности. Учили азбуку Морзе и как работать на ключе. Осваивали разные типы радиостанций, работу на них, знакомились с азами шифровки текста.

Задача роты состояла в том, чтобы обеспечить устойчивую и постоянную связь между управлением и его частями, дивизиями и полками. Настолько это была сложная задача! Казалось, что даже аппаратура не может выдержать такой нагрузки. От этого зависел успех проведения операции. Боец Кротова успешно справлялась с возложенными на неё обязанностями. Она неоднократно награждалась благодарственными письмами Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. А медаль «За боевые заслуги» ей вручал лично командующий войсками НКВД генерал-лейтенант Лютый. Участвовала в освобождении Белоруссии, Польши, Венгрии. Особенно ожесточённые бои шли за Кенигсберг, который из-за своих старинных каменных домов, превратился в непреступную крепость. Здесь она и встретила долгожданную Победу! Но война для неё ещё не закончилась, перебросили в Прибалтику для зачистки от националистических банд «лесных братьев», бесчинствующих в тех краях. Награждена многими медалями. Среди них «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Белоруссии».

В ноябре вернулась в свой заснеженный тихий таёжный край. Вскоре получила приглашение от средней сестры Александры переехать к ней в Зауралье в село Черемисское, которая уже сменила девичью фамилию на Горяеву, выйдя замуж за коллегу директора школы Леонида Петровича, участника Сталинградской битвы. Кстати, этих учителей до сих пор вспоминают добрыми словами односельчане и благодарные ученики. После глухих лесных угодий это место показалось Валентине просторным и открытым. Село стояло на берегу одной из известных зауральских рек. Его окружали светлые берёзовые колки, а недалеко располагался даже небольшой сосновый борок. Когда вставала на партийный учёт, секретарь райкома партии, ознакомившись с её документами, через несколько дней пригласил к себе и предложил работу в организационном отделе зав. сектором по учёту кадров. В селе она встретила свою вторую половину в лице невысокого крепко сложенного Тимофея, тоже участника войны. Каким он был бойцом, говорили

ордена и медали. На его груди рядом с медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» красовались два ордена Славы - высшей награды солдатской доблести. Он был танкистом и воевал в одном полку вместе с братом Зои Космодемьянской – Героя Советского Союза. Серьёзная девушка очень понравилась родителям парня и те однажды вечером неожиданно пришли в дом к Горяевым свататься. Леонид Петрович на правах хозяина тут же заявил:

- Соглашайся, Валентина! Чего там? Заживёте ещё лучше лучшего, Тимофей - парень надёжный!

И действительно они прожили вместе в мире и согласии долгих сорок четыре года.

Когда на насосном заводе установили свой коммутатор и открыли телефонную станцию, муж предложил ей перейти туда телефонисткой. Вместе они проработали на предприятии до пенсии. Вырастили и воспитали дочь и сына. Те пошли по стопам своих родителей, связав судьбу с машиностроением. У обоих в трудовой книжке одна запись «насосный завод - принят, уволен в связи с выходом на пенсию». У Валентины Фёдоровны два внука и внучка. Внук Алексей продолжил дело своей бабушки - чекиста и работает в одном из отделов полиции на Севере, возглавляя ответственную службу в звании майора. Когда знакомишься с мемуарами видных советских военачальников, в их текстах фигурируют фронты, соединения, армии, дивизии, полки. Но ведь все эти формирования составляли живые люди. Победа зависела от каждого рядового бойца до маршала. Как они справятся с поставленной задачей? На примере моей героини я постарался показать роль одной женской судьбы и её участия в смертельно схватке с врагом. Да, она лично не уничтожила ни одного вражеского солдата, не сделала в его сторону ни одного выстрела, но её участие внесло свою лепту в дело Великой победы. Сегодня Полухиной Валентине Фёдоровне 92 года. Низкий ей поклон и большое спасибо от всего нашего поколения за Великую Победу и освобождение от коричневой чумы.

2015 г.

Солдатки

Русская народная песня. Сколько в тебе колорита, задушевности, красоты звучания, мудрости смысла и своеобразия. Создаваясь в глубине веков в народе, ты впитала в себя его судьбу, характер, быт, обряды и обычаи, ремесла и промыслы, занятия и легенды. Передаваясь из уст в уста, ты веками хранилась в сердцах людей, множилась и дополнялась, согревая их души. Каких вас только нет? И величальные, и печальные. Свадебные, игровые и шуточные. Длинные и короткие. Поющиеся по-своему в разных уголках, но передающие одно и то же содержание, сохраняя прежнюю мелодию или чуть-чуть изменяя ее соответственно местному диалекту. А сколько песен безвозвратно потеряно в жизненных передрягах, запретах, во всевозможных великих переселениях народов? Многие переделаны на современный лад, уничтоживший народный характер и своеобразие звучания. Какой ты была задушевной, многоголосой, без сопровождения всякого аккомпанемента, но музыкально грамотной, благозвучной, радующей и ублажающей слух. Русский человек не может без песни, она настраивает его на трудовой лад, когда ему в компании таких же, как он тружеников, долго добираться к месту работы, она же дает отдых уставшему человеку. А в праздники, когда собирается застолье, она настраивает на веселый и задушевный контакт со всеми собравшимися. В послевоенное время, когда не было телевидения, да и патефоны были только в состоятельных семьях, она была единственным украшением праздника, любой вечеринки.

В моей памяти четко врезались такие дни, когда мама и бабушка принимали у себя гостей в праздник или когда организовывалась «помочь» - так они почему-то называли совместную работу типа субботника, которые поочередно устраивались при совместной колке и пилении привезенных дров или при заготовке сена. Все это они делали по-мужски споро, с огоньком и задором. После войны для женщин это было обычным явлением, помогающим выжить.

Не знаю почему, но женщин, у которых мужья не вернулись с фронта, тогда называли солдатками. И скорее это правильно: есть в этом слове что-то грустно-строгое, но в то же время уверенное, требующее особого уважения, нежели слово вдова, в котором слышится грусть, печаль, жалость и неустроенность. Они собирались вместе, с разными характерами, разными судьбами, но объединенными общей Любовью к своим близким, всем людям, Отечеству. Обычно по праздникам и после совместных работ накрывали стол, вынимались незамысловатые съестные припасы, соленья и, конечно, ядреная, пенная, хмельная бражка, которая готовилась обязательно в корчаге из глины и хранилась всегда в прохладном месте. Самогон тогда в наших краях не гнали. Водку женщины не пили вовсе, и единственным алкогольным напитком была брага, настоящая на ягодах, в основном черемухе, вишне, смородине. В праздник пеклись ароматные пироги с капустой, грибами, картошкой или из карасей, пироги делались и с ягодами, которые толстым слоем намазывали сверху теста, сейчас по-модному их называют пицца.

Попив бражки и отведав съестного, одна из женщин, обычно это была тетя Маруся, вытерев подолом или рукавом рот и руки, начинала петь:

- Хаз Булат удалой, бедна сакля твоя, - и остальные дружно подхватывали – Золотую казной я осыплю тебя, - звучало торжественно и строго.

Тетя Маруся - небольшого росточка, русая женщина с быстрой походкой, живыми черными глазами доводилась родной сестрой моего дедушки, обладала прекрасным бархатным голосом, всегда была запевалой, умело держала вторую партию и выполняла функцию руководителя и дирижера. Работала она кем-то на сенопункте, раньше была

такая организация в районе и находилась возле нефтебазы, оставшись вдовой, она воспитала троих детей и еще успевала подрабатывать на дому, стирая белье какой-то организации. Летом все это делалось на речке на плотках, а зимой стирали дома, но полоскать приходилось в проруби на Исети или у ключа. Не знаю почему, но тетя Маруся, когда уходила в лес по грибы или ягоды, всегда брала меня с собой, научив при этом всем премудростям промысла. Она точно знала, где и как искать грибы, сподручнее и чище брать ягоды, отыскивая их в траве или забираясь на черемуховый куст. Знакомила с различными съедобными травами и корешками, учила, для чего они могут сгодиться. Так как наше родовое гнездо было в селе Черемисское, то она прекрасно знала там все ягодные и грибные места. От города это только по прямой верст шесть-семь, и, учитывая, что обратно мы обязательно возвращались с полными корзинами грибов или ягод, согласитесь, что это был нелегкий путь. Нам дважды приходилось вброд переходить реку. Тогда по Исети было несколько бродов, и мы точно знали, как идти по любому из них, не замочив одежды. Позднее, когда я стал старше и начал заниматься в танцевальном кружке, увидев мои выкрутасы на сцене, она расщедрилась и подарила мне настоящие хромовые сапоги, которые берегла, сама надевая по большим праздникам. Закончив песню про Хаз Булата, обычно запевали длинную пропевную про отца-прокурора или «Что с тобою, мой миленький мальчик» начинали слаженным дуэтом мои бабушка с мамой.

Моя бабушка Татьяна Михайловна была из бедной семьи. К моему великому сожалению и досаде, я в свое время не сумел узнать у нее про все наши родовые корни, даже её девичью фамилию. По словам бабушки знал про ее младшего брата Ивана, не вернувшегося с фронта во время Великой Отечественной войны. Как сейчас отыскать какие-то необходимые документы в стране, которая в течение одного только века пережила такое количество всевозможных потрясений, революций и реформ, что иное государство не претерпевало за всю его многовековую историю. На все мои расспросы относительно разных там эксплуататоров, помещиков и капиталистов она всегда отмахивалась от меня, как назойливой мухи, и всегда твердила в ответ:

- Молчи громче – проживешь дольше, меньше знаешь – крепче спишь, и никогда не болтай чего не надо.

Из своей жизни чаще всего вспоминала эпизод, когда со своей подружкой в голодные двадцатые годы вдвоем ездили в город Ташкент, как на товарных поездах добирались туда и обратно, с мешком семян приходилось таскаться по крышам товарняков. Шестнадцати лет ее выдали замуж за Полухина Василия Митрофановича в семью, где кроме него были сестры Мария, Мина и брат Андрей. Жили они своим хозяйством, держали лошадь, коров, мелкую живность, птицу, имели земельный надел, где сеяли рожь и пшеницу. Зимой мужики вместе с лошадьми работали в Каменске на казенном заводе, а весной возвращались домой к привычному, крестьянскому труду. Через год, в декабрьскую стужу она стала матерью, родив нашу маму, которую нарекли Варварой. В первую империалистическую войну дед ушел на фронт, за свою службу был удостоен Георгиевского креста, о чем свидетельствовала старая фотография, на которой он был заснят втроем с земляками-однополчанами. В гражданскую войну в июле девятнадцатого года дед вместе со многими деревенскими мужиками в составе отряда, который собрал в Черемиске большевик Григорьев, влились в легендарный первый рабоче-крестьянский полк «Красные Орлы». В районе Перми во время разведки во вражеском тылу дед был захвачен белоказаками в плен, зверски замучен, расстрелян и похоронен в местечке Грязнуха. А бабушку с шестилетней мамой по доносу арестовали, как семью красного партизана, помещена в складские помещения, биты нагайками, но по счастливой

случайности выпущены на волю.

И теперь, по прошествии многих десятков лет, хотя бы все эти события были вычеркнуты из нашей памяти, забыты, а вся борьба за новую Россию носила бесполезный и даже вредный характер, а я в праздники должен возлагать цветы к подножию памятника Колчаку. Не дожждётесь! Белые для меня были и останутся навсегда белыми и даже не порозовеют со временем в моей памяти.

Дядя Саша был младше нашей мамы на два года и доводился нам родным дядей. После Отечественной войны остался в войсках. Служил в должности старшины в Улан-Удэ. Раза два, три приезжал на родину навестить мать и сестру, но регулярно отправлял посылки к праздникам с неизменными и обязательными кедровыми орешками и копченым омулем. Мама с бабушкой тоже бывали у него в гостях, где радовались его размеренной жизни в окружении жены и трех сыновей: Валерия, Андрея и Сергея. До выхода на пенсию бабушка работала поваром в райбольнице с раннего утра и до позднего вечера. Потом немного сторожила в одном городском учреждении. Пытаясь наладить свою семейную жизнь, на некоторое время связала свою судьбу с вдовцом, инвалидом Василием, строгим, нелюдимым, скупым стариком, с которым мы взаимно старались не общаться. Результатом этой семейной жизни в нашей семье появился еще один рот – его сын Виктор. После разрыва их отношений долгое время жил с нами, да и позднее не порывал связи с нашим семейством. Умерла бабушка в возрасте семидесяти трех лет, честно выполнив свой материнский и гражданский долг, воспитав после смерти мамы внука Володю. И вспоминая ее, я всегда поражался жизненной уверенностью, воспитанностью, внутренней культурой. Несмотря на все сложности жизни, она не обозлилась, не замкнулась в себе, а жила, никому не завидуя и никогда и никого не осуждая ни за глаза, ни в разговоре. Я не видел ее замкнутой, упрямой, печальной, махнувшей в отчаянии на все трудности и неурядицы, и лишь иногда в компании подруг она могла расслабиться и всплакнуть. Чаще это случалось, когда они пели печальную песню о девушке, с несчастной, тяжелой судьбой, а особенно в песне «Кирпичики» при словах:

«...за Россию всю жизнь он отдал И судьбу мою разнесчастную, Как пожженный кирпич, поломал».

Тут обязательно кто-то из женщин начинал горько плакать. Расстраивала всех остальных. Они всхлипывали, рыдали, уливаясь горькими слезами, вспоминая каждая своего разлюбезного дрозду да счастливые, короткие минуты с ним. Плакали все, кто прикрыв лицо ладонями натруженных рук, кто платочком, а чаще подолами своих длинных юбок и платьев, обнявшись друг с другом, успокаивая сами себя похлопываниями по спине, пожатием рук, утираясь, размазывая по щекам горючие слезы, пока кто-нибудь из них, а чаще это были тетя Маруся или тетя Нюра. Они говорили, стряхнув с себя тяжелую печаль прочь:

- Ну-ка, бабы, хватит плакать, ишь разревелись, как коровы! – и встав из-за стола, притопнув ногой, начинала:

- Ох, пить буду да гулять буду! – и женщины подхватывали эту песню, начиная пританцовывать и освобождаться от нахлынувшей тоски и набежавшей грусти, кто-то бил дробь, кто-то похлопывал в ладоши, а мама, подбоченясь и помахивая платочком, пускалась по кругу. Мама, мамочка, ты, как хрупкое, тонкое, одинокое деревце, что растет на скупой, изможденной почве, которое пытаются поломать злые ветры, срывая с его тонких веток пожелтевшие осенние листочки, а лютые стужи, снежные бураны, морозы и выюги стараются застудить, заморозить его слабое тельце, да песчаные летние суховеи иссушить в нем питающие его силы. Но лишь чуть-чуть пригреют первые лучи весеннего

солнца, оно оживает, радуя глаз своими свежими молодыми весенними ярко-зелеными листочками, потому-то тебя любили и тянулись к тебе люди.

За короткую жизнь моей матери Варвары Васильевны выпало столько испытаний, что их с лихвой бы хватило не на одну женскую судьбу. Замуж она вышла по тем временам поздновато, и своего первенца Нину родила в возрасте двадцати шести лет. Ее муж Грехов Андрей Николаевич родом из села Боровское. Вырос в большой семье, отслужив срочную, во время финской кампании был призван в ряды Красной Армии, отвоевав положенный срок, работал в городской пожарной части и, когда началась война, уже в июле как имеющий боевой опыт был срочно мобилизован, прошел краткосрочные командирские курсы и направлен на фронт. В районе Пскова их эшелон попал под бомбежку, где и погиб, не доехав до фронта, оставив мою маму с двумя старшими сестрами Ниной и Альбиной на руках. Жили мы тогда в подвале, недалеко от пожарной части по улице Советской старого купеческого дома, в котором зимой по стенам сочилась вода, где, как в улье в каждой его комнате жило по семье, а с женитьбой кого –либо из проживающих число семей постоянно увеличивалось. Мы тогда держали корову Юльку, рыжей масти, сдавали молоко государству на расположенный рядом маслозавод, и до глупого запрета шестидесятых она была хорошим подспорьем, хотя и очень хлопотливым для нашей семьи, в которой всегда кроме нас кто-нибудь столовался из маминых родственников. К религии мама и бабушка относились довольно равнодушно, и из всех праздников вспоминается только Пасха, да и то лишь потому, что на столе появлялись крашеные яйца и куличи. В церковь бабушка не ходила. Посещала ее в те дни, когда бывала у своей свекрови Феклы Семеновны, маленькой, юркой, работающей и очень приветливой, набожной старушки, которая была к тому же старостой в Боровском церковном приходе и, может быть, именно вера в Господа помогла ей уберечь своих детей Петра, Дмитрия, Максима, Вячеслава, которые прошли через горнило кровавой мясорубки, сделав инвалидами Петра и Вячеслава. Лишь Андрей пополнил число павших.

Со вторым замужеством маме опять не повезло, второй муж пропал без вести в последний год войны, оставив ей меня да свою фамилию. Мама работала няней в детском садике, в столовой райпотребсоюза, а позднее, когда открылось автотранспортное предприятие, перешла туда сторожем, так как оно было рядом с нашим домом, а затем стала первым кондуктором автомобиля-палатки, развозившего пассажиров по всему району. Потом перешла кондуктором первого в городе автобуса, чем она несказанно гордилась, проработав в этой должности до своего последнего дня, чуть –чуть не дожив до своего пятидесятилетия. Она была мастерицей на все руки, хорошо вязала крючком и на спицах. Тогда еще не было тюля и ее ажурные, тонко плетенные из белых ниток изделия покрывала, салфетки вполне заменяли эту ткань. Имея старинную швейную машинку «Зингер», она прекрасно шила и обшивала не только нас, но и «переиначила» старую одежду, так она называла шитье, когда отгоревшую от солнца и времени ткань переворачивали на другую изнаночную сторону, но и шила соседям и подругам платья, блузки, юбки, самостоятельно производя раскрой материала.

Чтобы прокормить нас, она освоила изготовление цветов из разноцветной стружки, а позднее и бумаги для венков и букетов. Неплохо гадала на картах, и я помню, как одна ее знакомая, пожилая цыганка приходила к ней на гадание. Маленького росточка, они с бабушкой вручную заготавливали в деляне дров, привлекая, меня, когда мне исполнилось двенадцать лет, к этому нужному и трудному делу. Тогда был один выходной и, как правило, в мае месяце, когда еще не распустится на березах лист, в субботу после работы выделялась в АТП автомашинка, и все организованно ехали пилить дрова, работали даже ночью, попутно сжигая сучья и освещая пространство, затем дрова штабелевали, углем от

костра подписывали на торце бревна свою фамилию и оставляли в лесу до вывоза, твердо зная, что никто не посягнет, не спакостит и не вывезет их воровски, крадче, потому что не было более позорного явления, чтобы лишить заготовленного на зиму. По своему характеру она была очень доброжелательной, гостеприимной и чистоплотной. Несмотря на все перипетии и тяготы жизни, недостаток средств для нормального содержания семейства, мы всегда были накормлены, аккуратно одеты в чистую одежду, хотя и заштопанную на быстро протирающихся местах. Она была искренне открыта для людей и готова прийти им на помощь, любила их, на что они отвечали взаимностью. Через много лет в воспоминаниях ее знакомых сверстников, соседей я слышу о ней только хорошее, что как лечебный бальзам льется на мою душу. В ней иногда не угасала вера и надежда на лучшую жизнь, и она очень радовалась очередному понижению цен на товары и продовольствие, которые, не в пример нынешним временам, производились правительством каждую весну, тем самым повышая наше благосостояние не на словах, а на деле.

Так жило большинство женщин, потерявших мужей, поднимая своих детей, стараясь дать им все необходимое, но особенно образование, хотя сами в большинстве своем имели по четыре класса, но писали каллиграфически, не допуская грамматических ошибок, и мне довольно приятно, что я многое почерпнул для себя, благодаря знакомству и контакту с ними. Но, особенно меня поражала тетя Нюра, которая была самой давнишней бабушкиной подругой и родом тоже из Черемиски, а позднее, купив небольшой домик, она переехала в Катайск, где и скоротала свою жизнь до самой кончины в окружении кота да собаки, с которыми разговаривала, как с людьми, с полуслова понимая друг друга, даже захватила и чуть извела перекосы полученной перестройки. Своего мужа она проводила на фронт уже в зрелом возрасте. Работал он кузнецом, обладал недюжинной силой. Круглую зиму, несмотря на сильные морозы, ходил в сапогах, в полушубке нарастопашку, голоруким, не признавая ни шарфов, ни варежек, и ей казалось, что её Гриша все нипочем, с ним ничего не может случиться, поэтому она не верила в то, что пропав без вести, он не может не найти дорогу к своей Аннушке. Первое время она навещала всех солдат, вернувшихся с фронта. Ходила на вокзал встречать воинские эшелоны, писала письма в военкоматы, фронта, архивы. Ездила в ближайшие госпитали в Челябинск, Свердловск, Шадринск, ждала, ждала, отдав свое сердце, душу и жизнь одному, единственному, любимому человеку. И как часто, особенно длинными осенними, бессонными ночами, когда моросит, не переставая, не один день дождь, да стучит ветер в закрытое резными ставнями окно, думает одну и ту же думушку-думу:

- Где ты, мой ненаглядный залёточка? Прижаться бы к твоему горячему телу, приклонить бы к плечу головушку да лежать, перебирая нежными руками колечки жестких, рыжих волос на его могучей груди, беседуя с ним про житье-бытье, мечтая о будущем.

Поэтому замуж, за кого сватали ее подружки, не шла и гневно отвергала все притязания, живя не проходящей Надеждой и Верой на его несомненное возвращение. Была скорая в работе в одиночку, держала корову, позднее перешла на коз, называя их всех одним и тем же именем Дашка, чем обижала свою соседку и ближайшую подругу, носившую такое же имя. На что тетя Нюра всегда весело смеялась:

- А они, Дарья, такие же дикие и пакостливые, как и ты!

Позднее она привела к нам во двор молодую беленькую козочку, которая стала нашей всеобщей любимицей и кормилицей на долгие годы и которую мы, не сговариваясь, называли Белкой.

- На, Варя, бери, корми робят молоком!

Великолепная хозяйка, она к тому же слыла хорошей и опытной травницей, заготавливала их со времени цветения до поздней осени. Сушила цветы и корни. Делала настои и отвары. Они висели у нее в чулане и в амбаре, чтобы на них не попадали прямые солнечные лучи, хорошо проветривались, берегла от излишней влаги и точно знала, какая травка от какой болезни, где и как может быть применена. И к ней за травами и советами ходили не только с нашего околотка, но и соседних улиц. А какие она делала соленья! Самые лучшие соленые грибы были у нее: все, как на подбор, чистенькие, маленькие, одного размера, она и при заготовке использовала всевозможные травы и не так, как некоторые, не таила, а щедро делилась секретами да и самими травами со своими товарками, наказывая, как их применять и в каких пропорциях. Умерла она самой последней, проводив всех своих подруг, в возрасте девяноста двух лет.

Интересная и своеобразная, сложная судьба сложилась у тети Веры, которая работала на одной из фабрик в Свердловске и, как многие ее сверстницы, добровольно пошла на фронт, записавшись в военкомате. Ее определили в школу связи, прошла всю войну, где встретила молодого чернявенького капитана, который покорило сердце уралочки. Рожать поехала в родные края уже из освобожденной Европы и, как водилось в те годы, вернувшиеся с фронта женщины толком не оформляли свои воинские документы, а оформляли лишь паспорт и прописку, тем более что она переехала с малышом жить в сельскую местность. Сына назвала в честь отца редким именем Арий, купила в небольшом деревянном домишке на два жителя комнатку размером два на два, куда вошли небольшой столик да железная кровать, на которой ей, переболевшей туберкулезом, приходилось спать вместе с сыном до девятого класса. Хорошо, что она работала ночным сторожем и через день уходила на дежурство, потом им выделили комнату, приспособленную для проживания из старого каменного купеческого склада, где мыкались вместе с ними еще несколько семей. И лишь в 1965 году вспомнили вновь о фронтовиках и начали отмечать День Победы, как всенародный праздник, сделав его нерабочим днем и установив ряд льгот для участников войны. Мы с ее сыном еле уговорили его маму оформить все необходимые документы как участника войны. На все наши расспросы относительно ее участия в войне она всегда отмахивалась и отвечала:

- Да я совсем не воевала, мне и по немцам стрелять-то не доводилось, сидела на телефоне да за аппаратом, вызывала да отвечала.

После недолгой переписки с архивом в городе Подольске пришли все необходимые бумаги, наградные листы с медалями, среди которых была и медаль «За отвагу». И только диву даешься, как могла жить эта семья на зарплату сторожа предприятия, а она еще умудрилась дать высшее образование сыну, работавшего впоследствии в ракетостроении.

Не знаю почему, но военные песни они пели редко, исключением была, пожалуй, «Синий платочек», чаще пели «Под городом Горьким», которую обычно начинала моя мама и пели ее очень задушевно и слажено.

Но больше всего мне нравилось бывать, когда доходила очередь у тети Дуси, почему-то это всегда было зимой, когда стояли сильные морозы и нас, пацанов, не особенно тянуло на улицу. В такой день нас брали с собой, тем более что ее сын Васька учился со мной в одном классе и был нашим другом. Изба у них была очень просторной, с большой кухней, где были расположены огромные полаты из толстенных досок, которые занимали все верхнее пространство. Нас, чтобы мы не мешали, отправляли на них к нашему величайшему удовольствию. Это было наше любимейшее место для приятнейшего времяпровождения и чревоугодия, ибо на них хранился запас подсолнечных семечек, всевозможных сушеных год, потому что из-за отсутствия сахара варенье делали редко. Сухари, сушеная рыба, и главное лакомство послевоенных пацанов – паренки из моркови,

которые нам заменяли конфеты – ириски. Мы забирались на полаты, удобно устраивались, подстелив под себя старый тулуп, глядели на застолье, слушали пение, жевали паренки и нам казалось – вот оно настоящее счастье. По всей видимости, именно это пение привило нам любовь к музыке. И когда объявили о том, что идёт запись в духовой оркестр в Доме пионеров, мы сразу же записались. Когда учились в институте, Арик освоил гитару и, имея хороший музыкальный слух и голос, отлично пел, и мы в молодости, да и в зрелом возрасте, всегда в своей компании пели как песни, что пели наши родители, так и современные Визбора, Окуджавы, конечно, Владимира Высоцкого.

Тетя Груша всегда начинала песню «Вот кто-то с горочки спустился», это была очень жизнерадостная, веселая женщина, пышечка, она так и пылала здоровьем, одна из всех была замужем за дядей Васей, грузным, добрейшим мужчиной, инвалидом войны, с мягким, незлобчивым характером, но не любившим шумные компании, и поэтому никогда в застольях не принимавшим участия. Свободное время он проводил на речке в своих до боли знакомых местах, где безуспешно рыбачил, таская бекирей и чебачишек. Детей у них не было и он, балуя меня, частенько выделял мне крючки и леску из своих многочисленных запасов. Работал он прорабом на стройке и никогда не расставался с выгоревшим портфелем, который когда-то был черным. Именно этот портфель был причиной веселого настроения на объекте, потому что выдумщица Груша шпакурила над ним, для чего, бывало, положит ему бутылку молока с соской или кусок хлеба, намазанный толстым слоем горчицы вместо маргарина, а то вовсе какие-нибудь дамские причандалы. А чаще всего она зашивала ему кисет с табаком или карман. А то пришить к штанам или пиджаку цветастый бантик или измазать помадой воротник рубашки в районе шеи и обвинить его в супружеской измене, был о ее коронным номером, на что он никогда не обращал никакого внимания. Когда собирались у нас, то в компанию вливалась тетя Липа, сорокалетняя женщина, тоже одинокая, она когда-то работала вместе с мамой, и ее все хорошо знали, тем более ее связало с тетей Нюрой то обстоятельство, что та помогала Аполлинарии выхаживать тяжелораненого, привезенного для лечения домой в 43 году мужа, не встававшего с постели, который умер у нее на руках вскоре после того, как пришла долгожданная майская Победа, за которую он попросил налить сталинские сто грамм, хотя не пил до этого больше двух лет.

Певуньей она была неважнейшкой, как все люди, которые не в ладах с музыкальным слухом. Пела фальшиво, но громко, не слушая и заглушая остальных, на что тетя Маруся, прервав песню, говорила:

- Липка, не ори или пой молча, не порти песню не тобой придуманную.

Та на некоторое время умолкала, и песня продолжалась вновь, дав волю душе и сердцу забыться от всех мирских дел и забот. Так прошли по этой нелегкой жизни мои солдатики, каждая по-своему неся свой крест, не жалуясь и не кляня судьбу, не гневя и не надеясь на Бога, а помогая друг другу и собираясь вместе. Вспоминая своих мужей, они пели, плакали о них, слишком рано покинувших этот мир, честно выполнив свой долг, заплатив за него собственной кровью и жизнью, защитив от злого, постылого врага, отстояв свободу, чтобы могли счастливо жить их семьи. Поэтому я не мог не вспомнить и помянуть их каждую. Это мой долг перед их светлой памятью.

Почему у нас в России
Не поставлен памятник вдове,
Той, что отдавая силы,
Было жить труднее и вдвойне?

2013 г.

Танкист

Учителям-фронтовикам с благодарностью.

Судьба свела меня с этим человеком ещё в школьные годы, когда я учился в восьмом классе. Тогда был предмет - военная подготовка. Мы учились собирать и разбирать винтовку Мосина, занимались строевой подготовкой, маршируя по школьному двору. Но больше всего мне нравилось, когда мы, надев через плечо деревянные винтовки, выходили в тополиную рощу, где отрабатывали приёмы владения оружием и особенно рукопашного боя. Мы с удовольствием выполняли команду «коли!», «бей прикладом!», производя выпады по мнимому противнику. Физически крепким ребятам везло больше – они упражнялись настоящим оружием, хотя оно и весило прилично. Мы любовались и восхищались тем, как чётко и красиво выполнял эти приёмы наш военрук. Позднее я плотно сотрудничал с ним, работая в общественных организациях по воспитанию молодёжи. Привлекали его к постоянным занятиям физической культурой и спортом, организуя массовые спортивные мероприятия, которых проводилось великое множество не в пример нынешним пассивным годам. Став коллегами, мы регулярно проводили товарищеские встречи по волейболу, баскетболу и чаще всего соревнования по стрельбе из малокалиберной винтовки, благо мой старший товарищ построил в своём училище тёплый стрелковый тир, единственный во всём районе.

Отойдя от подобных дел и перейдя на другую работу, я не порвал связи с ним. Мы каждый выходной встречались на стадионе, кстати, построенном с нашим деятельным участием, где сидя на трибунах обменивались мнениями не только о спортивной встрече, но и беседовали «за жизнь». Поэтому я многое узнал о его судьбе и нелёгкой жизни. Он прошёл всю войну. Да сама война вошла в его жизнь по-особому.

В начале июня его в составе артиллерийского дивизиона мотострелкового полка, дислоцирующего в Брестском гарнизоне, отправили в летние лагеря. Предстояло сдать экзамен на младшего командира и провести учебные стрельбы штатными боевыми снарядами. Что может быть интереснее и желаннее для молодого бойца, чем стрельба из боевого оружия? Разместили в палатках в живописном месте, на берегу небольшой и чистой речушки. После каменного жаркого и тесного города, казарм в казематах крепости это казалось истинным раем. Однажды днём его пригласил в свою палатку командир:

- Сынок, тебе необходимо срочно прибыть в штаб части и оформить отпускные документы. Немного подумав, внимательно оглядел бойца. По-отечески, положил ему руку на плечо:

- Держись, курсант. Крепись. Дома у вас большое несчастье. Тебе предстоит поездка домой. С твоим батей случилась беда.

Оформив в штабе отпускной билет и проездные документы, он поездом Брест – Москва поспешил на свою родину. После пересадки в Москве первым попавшим поездом на Свердловск покатил по стране дальше. Теперь поездка его совсем не радовала, и он равнодушно созерцал из вагонного окна даже на знаменитые места. Через четыре дня он прибыл в столицу промышленного Урала и пошёл в воинскую кассу вокзала взять билет до своей станции. Атмосфера, которая царила на вокзале, поразила его. Не было привычной суеты отъезжающих. Не звучала музыка. Не кричали станционные продавцы товара и носильщики. Лица людей были строгими и тревожными. Все были напряжены. Стоящая рядом в очереди старушка спросила его:

- Что, касатик, обратно в часть? Эх, беда-то какая случилась. Жалко вас, молодых.

Война! Опять немчура проклятая напала,- тяжело вздохнула она.

Стоящий возле кассы майор пояснял окружившим его пассажирам, что рано утром немецкие сухопутные войска без объявления войны перешли нашу западную границу на всём её протяжении и продвигаются внутрь, нанося смертоносные удары по городам и сёлам. Что немецкая авиация атаковала Прибалтику, бомбит Севастополь и Одессу, устремилась к Киеву и Минску, направляясь в сторону столицы.

Прибыв в своё село, солдат первым делом навестил могилку отца. И не успев толком пообщаться с семьёй и родственниками, не использовав положенный ему отпуск, согласно закону о воинских обязанностях, отправился в райвоенкомат, а оттуда в областной комиссариат. Там, вовсю кипела работа. Формировались команды и пешими колоннами отправлялись в сторону вокзала, для отправки в войска. Его, как уже служившего в воинской части, которая находится в зоне боевых действий, и имеющего среднее образование, определили в танковое училище.

Страна нуждалась в танкистах. Начались упорные занятия по ускоренной программе. Время не давало передышки. Они основательно изучали материальную часть не только своих боевых машин, но и танки противника, узнавая их уязвимые места, тактику боя с ними. Отрабатывали практику вождения в разных погодных условиях, по пересечённой местности, особенности ведения и управления машинами в городских сражениях, проводили учебные и боевые стрельбы по мишеням, совершали многодневные марши, отрабатывали порядок взаимодействия между собой и другими родами войск, в первую очередь , с матушкой-пехотой.

Уже зимой ему, младшему лейтенанту, командиру взвода лёгких машин в составе танкового полка пришлось принять первый бой, обороняя столицу. В этот бой он ушёл коммунистом. Потом были другие бои. И наступали и, бывало, отступали, отдавая только что освобождённый рубеж. Но самым памятным моментом осталось его участие в знаменитой Курской битве, когда на поле боя с двух сторон сошлись в смертной схватке, кроме других родов войск, более шести тысяч бронированных машин. Это был кромешный ад! Кто кого? Не жалели ни людей, ни технику. На поле боя осталось кладбище из немного неполной тысячи, сгоревших вместе с танкистами, танков. В этом сражении его экипаж скоростной и надёжно защищённой бронёй Т-34-ки сумел уничтожить четыре танка и одну танкетку врага. Правда, им тоже не повезло. Вражеский снаряд попал машину, убил наводчика. Танк загорелся, но остальным удалось благополучно выбраться из горящей машины. За этот бой он был удостоен высокой правительственной награды - ордена Боевого Красного Знамени.

Это сейчас современные историки спорят между собой и доказывают, а нужны ли были такие жертвы? Оправданы ли? Из-под печки потолок рассмотреть затруднительно, почти невозможно!

Началось освобождение страны. Были ещё сильные бои. Особенно за крупные города. Дважды он горел в танке, но успевал во время покинуть машину. Однажды его даже при этом зацепило сколком вражеского снаряда. Но всё обошлось одними перевязками в медсанбате.

В апреле 1945 года, будучи старшим лейтенантом, он участвует во взятии Берлина. Брать его приходилось с плацдарма на Одере в районе Зееловских высот, которые были укреплены основательно. В составе танковой дивизии маршала Рыбалко ночью, с включенными фарами, с воющими сиренами они устремились в атаку. В это день им выдали двойную норму у наркомовских. Многотонные машины вязли и буксовали в мягкой весенней немецкой земле. Силуэт – выстрел! Снова силуэт и снова удар!

Долгожданная Великая Победа!

И опять споры историков, стоило ли ускорять взятие? И такой ценой? Жизнь показала, что от одного неверного шага или действия руководителя страны падает существующий строй, рушатся целые государства.

Так закончилась для него война. А ведь всё, по его словам могло быть иначе. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Его брестскому однополчанину, земляку, с которым они призывались вместе, повезло куда меньше.

Уже на второй день войны его контуженного, полужасыпанного землёй, откопала немецкая «зондеркоманда» и доставила на пересыльный пункт, где томилось больше тысячи таких же бедолаг. Их допросили, осмотрели, поместили в телячьи вагоны и отправили внутрь страны. На работы. Кого строго по специальности, кого по состоянию здоровья и внешнего вида. Через неделю эшелон прибыл в Пруссию. А три вагона, в одном из которых находился земляк, отправили в Норвегию. Определили его на место жительства в семью немецкого колониста, фермера. В старом, со вкусом ухоженном двухэтажном здании, под коричневой глиняной черепицей, проживала семья, состоящая из старика немца и его старухи. Вместе ними жила их тридцатилетняя дочь. Жена немца - лётчика, успевшего повоевать в небе Испании, а теперь сражавшего против нас. Поселили в небольшом закутке на скотном дворе, предоставили свободу передвижения. Пас хозяйскую скотину на богатых кормах зелёных фиордах, хлопотал по хозяйству, заготавливал дрова, топил зимой печи, ухаживал за огородом и садом. Немец относился к пленному более-менее благосклонно, а вот его жена была настоящей стервой. Всё не по ней. Только и слышно «русишь швайн», «комм цу тойфель», «думмукопф!».

Конечно, исподволь он мстил ненавистной ему старухе. То ненароком зацепит её мокрой шваброй, то вымоет руки в ведре с молоком и обязательно сходит по малой нужде на ягоды и овощи. Была ли мысль бежать? Естественно, была и не раз. Он даже пытался сделать побег будучи в Пруссии. А сейчас куда побежишь без знания языка, через три враждебные страны и Балтийское море. Молодая немка не раз смотрела на него с нескрываемым любопытством и интересом, особенно, когда он, раздевшись по пояс, работал во дворе. Через год, весной, их семья по-волчьи завывала на всю округу. Пришла весть, что их воздушный асс был сбит и погиб под небом Сталинграда. Старуха ожесточилась, пуще прежнего. Время лечит. И молодая фрау однажды ночью пришла проверить молодого работника. Проверки, к большому удовольствию обеих сторон, стали происходить каждую ночь. Мать, заподозрив неладное, устроила дочери разнос. Но потом, после долгого и резкого разговора, забрав деда, укатила в другое местечко. Наш пленник из уютной клетки перебрался на второй этаж, на белое большое ложе. В мае 45-го он, несмотря на слёзы и просьбы своей хозяйки, рассказы о том, как относятся к бывшим военнопленным на Родине, прибыл к союзникам, изложил свою историю. Был толком расспрошен, проверен и через некоторое время репатриирован в Калининград. Снова был неоднократно и перекрёстно допрошен, обстоятельно проверен и определён на десять лет лагерей. До реабилитации в 54-ом году валил лес в глухих таёжных Архангельских краях, на берегах суровой Северной Двины. Об этом он поведал своему земляку-товарищу по возвращении с его долгой войны.

Летом в 45-ом танковая дивизия была частично расформирована. Часть её отправили на Восток, другую оставили в освобождённой Европе, а их полк вернулся на Урал. Танк, построенный на средства жителей седого Урала, на котором доблестно воевал наш земляк, вновь вернулся на родную сторонку.

Тех, кто был призван до начала войны и не был обременён семейными хлопотами и заботами, оставляли в войсках дослуживать положенный срок, естественно, согласно воинскому званию и занимаемой должности. Мой герой как строевой офицер, имеющий

богатый боевой опыт, был назначен командиром учебной роты танкового полка, расквартированного в Еланских лагерях. Он успел подготовить многих уральцев. Были среди них и земляки родного зауральского края. Все они после демобилизации вспоминали о нём, как о настоящем воспитателе, справедливом, мудром, но требовательном командире.

После ухода в отставку и возвращения в родной город, ему предложили пойти в среднюю школу руководителем военного дела. Директора школы, тоже фронтовик, с предложенной кандидатурой согласился без лишних разговоров, поручив ему вести ещё и уроки физкультуры. Будучи разносторонним спортсменом, тот без особого труда в короткое время сумел создать ряд спортивных секций, в которых ученики познавали азы футбола, волейбола, лёгкой атлетики, лыж. Имея примитивную спортивную базу по гимнастике, он своим умением и мастерством работать на снарядах вызывал неподдельное восхищение стойками на руках, работе на перекладине и кольцах.

Школьная команда начала уверенно побеждать на районных соревнованиях по лыжам и лёгкой атлетике даже коллективы взрослых спортсменов. Ряд выпускников, следуя примеру учителя, посвятили свою жизнь этой профессии, поступая на факультет физического воспитания пединститута. Многие навсегда остались верны своему делу, воспитав большое количество преданных спорту людей, подготовив впоследствии не одного мастера спорта, чемпионов центральных спортивных обществ, страны и даже Европы. Другие посвятили себя ратной службе, став курсантами военных училищ, и стали видными военачальниками, дослужившись до звания полковника.

С приходом в школу специалистов с высшим физкультурным образованием, и по предложению председателя райисполкома, тоже активного спортсмена-лыжника и хорошего товарища, физруку поручается возглавить районный комитет физкультуры и спорта.

Новый председатель с головой окунается в дело организации спортивной и физкультурно-массовой работы в районе. В первую очередь, он начинает с подбора кадров, отыскивая их среди спортсменов, настоящих организаторов и инициаторов. Надёжными соратниками и проводниками его многочисленных идей стали руководители ДСО «Урожай», физруки, тренеры, сельские инструктора физкультуры, которых они подбирали совместно с райкомом комсомола, чтобы те по возможности возглавляли первичные организации на селе. Под руководством и действенной поддержке районных властей создаются типовые спортивные базы во вновь открываемых сельских школах, оборудуются стадионы, спортивные площадки, многочисленные небольшие хоккейные корты, строится Дворец спорта насосного завода. Массовый характер носит детский спорт, шефами и содержателями которого становятся предприятия и учреждения города. Команды района становятся непременными победителями и призёрами областных соревнований по лыжам, лёгкой атлетике, настольному теннису, волейболу, штанге, борьбе самбо. А хоккеистам по игре с мячом на протяжении почти десяти лет в области не было равных и в помине. На первых сельских областных спортивных играх в 1968 году команда района стала недостижимой.

Перейдя в СПТУ-13 на знакомую и родную должность военрука, он остаётся верен своим принципам. Строит стрелковый тир на 50 метров, ставший на долгие годы единственным местом проведения стрелковых соревнований в районе, приобретает современное спортивное оружие, оптику. Учащиеся любят своего военрука, помогают ему в работе, активно участвуя в спортивной жизни города. При выходе на пенсию, он пригласил всех своих друзей, ветеранов спорта, ведущих спортсменов, тренеров, бывший физкультурный актив на стадион и после проведённого футбольного матча прямо на

трибунах организовал хлеб-соль, угостив товарищей.

Таким он и останется в моей памяти, как достойный представитель сурового и мужественного поколения.

Сейчас, по прошествии многих лет, я с особым уважением и теплотой вспоминаю моих фронтовиков- наставников и поражаюсь тому, как они, пройдя через горнило ужаснейшей и смертоносной войны, сумели сохранить в себе добродетель, тепло и ласку, отдавая их нам, ученикам-несмышлёнышам. Как в то же время были строги и требовательны на уроках. Они были всесторонне образованными людьми и в совершенстве владели своим предметом. В то же время они никогда не вспоминали при нас о войне, не рассказывали о ней, считая, что делали в то время своё дело, как и многие другие советские люди, не считая пережитое подвигом. Уже позднее от других мы узнали о их вкладе в дело общей Великой Победы. Все они были настоящими мужчинами.

Я всегда, пока жив, буду помнить директора школы Осипова Александра Николаевича, моряка- балтийца, незаменимого актёра народного театра; Мартюшева Бориса Фёдоровича, который стал прообразом воина- разведчика в повести Адама Казакевича «Звезда»; завуча Сурина Дмитрия Прок.опьевича, ставшего на войне инвалидом; учителей физики - Конышкова Ивана Фёдоровича и Парфёнова Петра Константиновича, Горных Ивана Маркеловича и Воронина Виктора Егоровича. Мы, к большому сожалению, так и не узнали, кем им довелось быть на фронте. Танкиста Ветлугина Бориса Александровича, моего старшего друга, я не смог проводить в последний путь. Но теперь, когда мне приходится бывать на погосте, я непременно в покаянии навещаю его могилку.

Вечная им память! И Слава!

Внеклассный урок

После окончания семилетки я перешёл учиться в другую школу. Тогда это была единственная средняя школа в городе и располагалась в трёхэтажном здании бывшей церкви, перестроенной и приспособленной под учебное заведение. После нашей уютной маленькой семилетки, состоящей из двух небольших отдельно стоящих зданий, она показалась огромной и неуютной. В то время существовала трёхступенчатая система образования: начальная - 4 класса, семилетняя - 7 и средняя -10. Обязательным было семилетнее образование. А потом по выбору: или продолжай учёбу, или иди работай. Тем более, что после войны семилетку заканчивали некоторые в 16, 17 лет. Многие поступали в техникумы, но особенно ремесленные училища, где было бесплатное обмундирование и питание. Кстати сказать, после окончания училищ на производство приходили настоящие специалисты, способные выполнять сложные работы наравне с квалифицированными рабочими.

Где-то в середине августа к нам домой пришла техничка школы и сказала, что 15 числа надо прибыть туда. В классе нам сообщили, что на следующий день предстоит ехать на уборку урожая и необходимо взять тёплые вещи и спальные принадлежности. Всё это у большинства семей состояло из одной фуфайки, которую не только носили, но и на которой спали, расстеливши на полу, вповалку. Также и мы, укрывшись единственным цветастым одеялом, сшитым мамёнькой из разноцветных лоскутков ткани, втроём проводили холодные ночи, греясь друг от друга.

На следующий день в сопровождении учителя физкультуры мы разместились в кузове старенького школьного грузовичка на жёсткие деревянные лавки, оснащённые крюками-

держателями, приспособленными для перевозки людей, и покатили. Я впервые уезжал из родного дома и с неприкрытым любопытством и интересом наблюдал за меняющимися вокруг картинами нашей природы. Пыльная просёлочная дорога, которую так можно было назвать лишь условно, петляя, привела нас в первую деревню на долгом пути. Кто-то произнёс: «Павлунина».

Через некоторое время наш автомобиль въехал в большое село, в середине которого высилась высокая колокольня старой заброшенной церкви, и остановился у здания, в котором находилось правление колхоза имени Ленина, состоящего из трёх бригад и расположенных соответственно в Павлуনিной и Митькиной с центральным отделением в селе Большой Касаргуль. Вышла женщина средних лет и сказала, чтобы парни освободили кузов и высадились, а девчат повезут в Митькину. С ними отправился и учитель. Мы тогда ещё не знали о том, что нам предстоит пробыть здесь долгое время. До конца октября. Разместили нас в клубе. Никаких кроватей или других спальных мест не наблюдалось.

Мы сложили свои маломальские пожитки на стульях в зрительном зале и отправились знакомиться с местом нашего будущего проживания. Первым делом мы исследовали церковную колокольню. Забравшись по шатким, кое-где порядком прогнившим ступеням, мы поднялись на высоту. Перед нами раскинулось всё село, которое было видно как на ладони. Оно со всех сторон было окружено болотами с хорошо видными небольшими зеркальцами воды. Прямо за деревней располагалось большое озеро, поросшее кое-где тростником и осокой. Прекрасно было видно близлежащее деревни, а за лесом вдали просматривался ещё один населённый пункт. Конечно, нас не могло не поманить и притянуть к себе озеро.

Это был большой водоём с многочисленными заливами. На его берегу находились рыбацкие лодки. Они не были прикованы замками, а просто чуть вытянуты на берег, чтобы не унесло волной. Во многих тут же находились шесты и вёсла с одним пером. Мы поспешили воспользоваться редкостной возможностью пройтись по воде.

Как заправские капитаны, мы, кто привычно, а кто впервые, выплыли, управляя своим малым флотом. Осмелев, мы даже начали брать друг друга на абордаж. Вышедший на наши азартные и радостные возгласы, старый рыбак призвал нас быть осторожнее на воде, а потом прибрать лодки, поставив их на прежнее место. Так незаметно пришло время ужина. Нам принесли ведро свежих огурцов, ведро варёной дымящейся рассыпчатой картошки, молока и аппетитных ароматных свежих калачей. Спать мы уместились прямо на сцене, подстелив старый то ли задник, то ли занавес, подложив под голову фуфайки. Августовские ночи тёплые. Укрываться сверху не было никакой необходимости.

Утром, перекусив молоком с калачами, мы пошли в бригаду на разнарядку. Бригадир велела получить лопаты и вёдра и пойти на картофельное поле, которое нам предстояло убрать. Там она ознакомила, как копать и куда складировать картофель. Нас разбили на тройки. Один копает лопатой, а двое собирают урожай в вёдра и относят в кучи. Поле было заросшее травой и некоторые гнёзда приходилось отыскивать. Земля была лёгкая, как пух, и без труда прекрасно копалась. Клубни крупные и чистые. Работа спорилась. Обедали мы на рядом расположенном центральном складе, куда свозился для переработки убранный хлеб. Повариха каждому налила чашку полевого супа, положив большой кусок хорошо отварённого мяса. Поставила по кружке, заполненной наполовину запашистым мёдом, традиционные калачи и налила фруктового чая, настоящего на шиповнике и листьях смородины. Эти калачи с мёдом навечно остались в моей памяти как самое лучшее яство. Вкуснее я после не едал. Были и калачи, был и мёд, но всё поедалось не так. Ужинали, спали и завтракали традиционно. Вместе с молоком приносили бидон сметаны.

Ешь – не хочу. Так продолжалось ровно неделю, пока нас не разместили на постой к одиноким старушкам. Им выделялись продукты, и они готовили разнообразную пищу. Иногда по нашей просьбе. Вплоть до пельменей. Мы со своей стороны помогали им выкопать картошку, расколоть дрова, что-нибудь отремонтировать, поправить.

Наш трудовой коллектив состоял не только из выпускников двух разных классов, но и из двух разных школ, поэтому он не сразу сумел сплотиться в единый организм. Были и небольшие эксцессы. Так один раз мы сэкономили мёд, прибрали его поместив в книжный шкаф в клубе. Когда пришли с работы и хотели полакомиться до ужина, обнаружили, что наша ёмкость наполовину опорожнена. Подозрение пало на паренька, который, сославшись на болезнь, остался в клубе. Начали допытываться. Не признаётся да ещё при этом кинулся драться на Бориса, крепкого парня. Тот оттолкну его от себя. Задира, а он в городе водился с дурной компанией, достал перочинный ножик, пытаясь раскрыть. Боря тут же завернул тому ручешку, отобрал нож, сгрёб его в охапку. Повалил на стол и кричит:

- Ах, ты гад! Ну, держись! Сейчас я твою репицу резать буду!

Мы, конечно, перепугались. А он оттянул ему на заднице кожу вместе со штаниной и давай пилить тупой стороной лезвия. Тот заверещал, как поросёнок, и признался в содеянном. Кстати, он потом всё равно угодил в детскую колонию.

Другой же, небольшого росточка, был страшный проглот. Из нас никто не ел верхней прослойки сала от отварной свинины, а он наоборот вкушал с удовольствием. Как-то мы выложили все сало, которое отделили от кусков, ему в чашку. И он начал его поедать. Многие и я в том числе не смогли выдержать такой трапезы и незамедлительно покинули помещение, чтобы не стошнило.

Недалеко от центрального склада располагалось несколько свинарников, представляющих собой частично закопанные в землю строения, с загородками для свиней. Это были очень крепкие и упитанные свиноматки весом больше ста пятидесяти килограммов. Они кормились и лежали невдалеке. Не помню, кто первым попробовал оседлать свинью, взявшись за её уши. Естественно, напуганное и обиженное такой наглостью и вероломством животное, тут же сбросило незадачливого седока, пытаясь рылом ответить на обиду. Следуя дурному примеру, многие из нас тоже начали подобные гонки. Матки кинулись в разные стороны и не подпускали к себе. Кто-то из нас зашёл в помещение свинарника и обнаружил там несколько особей. Темнота и теснота позволили ему продержаться на спине дольше, прокатившись по проходу. Свинья, стараясь прижаться ближе к деревянным пряслам клетки, неслась с визгом по корпусу и сбросила и наездника, причинив ему травму в виде большого синяка на ноге. Тогда мы сменили тактику объезды. Но свиньи начали быстрее покидать помещение, стоило только кому-нибудь войти в него. Теперь мы сами стали заманивать их внутрь, отсыпав кормовую дорожку, из принесённого со склада овса. Почему-то свиноматки предпочитали его остальным злакам. Некоторое время это было нашим любимым развлечением во время обеденного перерыва.

Несколько раз мы пешком ходили к нашим одноклассникам. Они работали в овощеводческой бригаде и кроме картофеля убирали огурцы, помидоры, морковь, свеклу, капусту. Возвращались за полночь. Утром опять на работу, пытаясь в течение рабочего дня отоспаться при первой возможности.

Подожли хлеба. Началась жатва, и нас всех перевели на зерносклад. Мы начали подготовку помещений и территории к приёму хлеба. Скребли, мели, освобождали от мусора.

Не забуду такой случай. Однажды поставили меня отвозить на лошади, запряжённой в

бричку, зерно от самоходного комбайна, который обкашивал хлебные поля и, убирая их напрямую. Зерно с таких мест шло сорное и его позднее использовали на фураж и, чтобы не смешивать с товарным, размещали на временном току. Как правило, для этих целей в лесу вы биралась небольшая еланка. На ней загодя выжигалась трава. Выметалась зола и отгоревшая почва. Всё шло хорошо. Комбайнёр наполнял бункер. Подавал мне звуковой сигнал. Я подъезжал, наполнял бричку, отвозил на ток. Разгружал и ожидал очередного сигнала. Однажды моя лошадка остановилась по причине того, что рассупонилась и оглобли выпали из петли. Лошадь стоит. Комбайнёр неистово сигналист, а я бегаю вокруг подводы и чуть не реву, не зная, что делать. Мне никогда не доводилось запрягать лошадь. Я уже было собрался бежать к механизатору, но на моё счастье мимо шла пожилая женщина то ли на покос, то ли за грибами. Она подошла:

- Эк, вы городские, какие неумехи. Что, не бывало у рук? Сейчас поправим.

Она быстро и сноровисто сделала привычное для себя дело.

Началась массовая уборка урожая. На складе круглосуточно кипела работа. И мы наравне со взрослыми тоже работали в три смены, причём в ночную нам нравилось больше. Погожие дни ждать не будут. Мы занимались приёмом и подработкой зерна. Разгружали машины и тракторные тележки, сортировали и сушили зерно. Погрузчиков тогда не было и в помине, поэтому всё приходилось делать вручную, плицами. Это что-то наподобие больших совков с ручками.

Лёгкой работой считалось отвозить зерно от комбайна. Кузов наполнялся прямо из бункера, и тучную золотистую струю зерна предстояло лишь разравнивать. А разгружать всегда легче. Особенно, если есть возможность открыть боковой борт. Труднее

приходилось тогда, когда вдвоём необходимо было загрузить автомобиль и отвезти хлеб в город, на элеватор, расположившись прямо на нём в кузове. Но здесь была и своя прелесть. Особенно нравилось, когда оно только что из-под сушилки. Спи, как на горячей печке! Езды даже по сухой погоде не менее двух часов. Там надо выстоять большущую очередь и опять же вручную разгрузить. Потом вместе с водителем тащиться в тесной кабине в обратный путь. Иногда удавалось за день совершить три ходки. Особенно не везло, если тебя прикрепляли к большущему и высокому трёхосному автомобилю. Загрузить его было мукой.

Не везло и тому, кому предстояло работать на копнителе прицепного комбайна. На его площадке было два человека, которым предстояло забивать копнитель соломой, а потом в строгом порядке освободить его, чтобы копны находились на одной линии. С непривычки это было очень трудно рассчитать.

И что характерно, нам всем нравился сельский труд. Мы находили в этом удовольствие и гордость, что делаем очень нужное и полезное дело, что ты можешь и не хуже других. Конечно, не все выдержали такую нагрузку и не без помощи родителей покинули рабочее место. Нас не нужно было подгонять учителю, заставляя работать. Он появлялся крайне редко и то для того, чтобы справиться о нашем здоровье и проконтролировать оплату труда со стороны правления.

Денег в колхозе не платили, и вся система расчёта шла за трудодни. Потом по итогам работы за год часть трудодня переводилась в деньги, а часть выдавалась зерном. Смена на току или один рабочий день соответствовал одному трудодню. Одна поездка на элеватор - тоже. Надо сказать, правление не обмануло нас и рассчиталось достойно. Лично я получил на руки какую-то сумму денег и к большой радости мамы четыре мешка отборного зерна, часть которого мы отвезли на мельницу и измололи на муку.

И все последующие школьные годы занятия в сентябре начинались с обязательного участия в уборочных работах.

В 1960 году произошла первая из многочисленных последующих школьных реформ. Обязательным становится восьмилетнее образование. Учёба в школе продлевалась на один год . вводилось политехническое обучение. Многие ученики, чтобы не терять лишний год, перевелись в вечернюю школу. Из трёх девятых классов сформировалось всего лишь два по двадцать пять человек.

Школа приобрела машиностроительный профиль по подготовке слесарей и токарей для насосного завода. Два дня в неделю все работали в цехах предприятия. В одиннадцатом классе всю третью четверть мы проходили производственную практику на заводе, работая даже во вторую смену. Затем экзамен. Мы все стали рабочими, получившими второй разряд.

По полученной профессии на заводе доработали до выхода на пенсию только двое. Три человека - с высшим образованием. Остальные сменили профиль. Стоило ли всем терять год?

После девятого класса мы целый месяц отрабатывали летнюю практику, бесплатно изготавливая по заказу завода из его материала ажурную деревянную решётку для городского сада. Она прослужила верой и правдой более тридцати лет и была уничтожена вместе с ним ретивыми демократами - перестройщиками.

В десятом классе по приказу районо нас, десять учеников, направили на месячные курсы в райком ДОСААФ по подготовке механизаторов. Нам предстояло освоить специальность «помощник комбайнёра» , и уже с 15 августа меня вместе с Николаем Бушухиным направили в в Павлунинскую бригаду колхоз а имени Ленина, где нам доверили работу на прицепном комбайне «Сталинец -6» с экипажем пять человек. К занятиям мы приступили только в начале ноября .При расчёте нам доставили по полтонне зерна. Для его размещения пришлось занимать мешки у соседей. И никто никогда не интересовался и не спрашивал нашего согласия. Надо и всё!

Кроме этих работ мы принимали участие в проведении текущего ремонта в школе. Кстати, во всех школах он проводился силами сотрудников, учителей и учащихся. Не было ни конкурсов, ни подрядчиков, ни составления проектно- сметных работ. Но к новому учебному году каждая школа блестела как яичко к Христову дню! Её обязательно принимал представитель района. И, не дай Бог, если она не будет готова. Директор, а в то время большинство среди них составляли мужчины, немедленно был бы освобождён от должности. Понёс бы наказание и заведующий районо, и даже заместитель председателя райисполкома, если бы такая весть дошла до областного начальства.

При нынешней постановке дела, когда учащихся освободили от всех видов трудовой деятельности в школе, возникает законный вопрос: кто за них будет работать на производстве, заниматься общественно-полезным трудом и, наконец, трудиться в семье? Любовь к труду прививается в детстве. Не все будут « хозяева» нужны и люди, которые будут создавать им богатство. По моему убеждению, было бы гораздо полезнее вместо ряда школьных предметов изучать домоводство, дабы по отдельной программе научить мальчиков и девочек обслуживающему домашнему труду. Тогда и семьи были бы крепче и разводов из-за семейных неурядиц куда меньше.

Послесловие

- 7850 человек ушли на фронт из Катайска.

- 4843 человека пали на полях сражений.

В сентябре 1941 года в Катайск был эвакуирован Мелитопольский насосно-компрессорный завод.

Катайский район – родина Маршала Советского Союза Голикова Филиппа Ивановича; Героев Советского Союза – Шумилова Михаила Степановича, командующего 64-й армией, пленившей фельдмаршала Паулюса в Сталинграде, Анчугова Александра Галактионовича, Ватагина Алексея Михайловича, Давыдова Федора Николаевича, Тушнолобова Кузьмы Максимовича, Чистякова Маскима Андреевича.

Три наших земляка стали генералами: Ослоповских Иосиф Андреевич, Сухарев Николай Федорович, Тумашов Михаил Васильевич.

Уроженка деревни Оконечниковой Лагунова Мария Ивановна – женщина-танкист, повторившая подвиг Маресьева.

Литературный клуб Исеть

<http://literklubisety.ucoz.com/>

2020